

An aerial photograph of a lush green valley. In the foreground, a small village with red-roofed houses and a church is visible. A river flows through the valley. In the background, a large, snow-capped mountain range dominates the horizon. A prominent volcano in the center of the range is emitting a thick plume of white smoke that drifts across the valley. The sky is blue with scattered white clouds.

Гудасюдзак

Прагматичные гости, или поворот оверштаг

Тудасюдакл

**Прагматичные гости,
или поворот оверштаг**

«Автор»

2026

Тудасюдакл

Прагматичные гости, или поворот оверштаг / Тудасюдакл —
«Автор», 2026

В апреле 1854 года ряд губерний Российской империи исчез. Вместо них появилась совершенно иная территория – с аэродромами, электростанциями, с людьми, знающими о вирусах и космических лучах. Однако главная их задача – не продемонстрировать калибры орудий и разрушительную силу бомб, а выжить достойно – и унять эмоциональные штормы вокруг себя.

© Тудасюдакл, 2026

© Автор, 2026

Тудасюдакл

Прагматичные гости, или поворот оверштаг

Глава 1. Первая встреча

12 апреля 1854 года, раннее утро, около 3 часов. В восточной части Чёрного моря.

Мустафа Чавушоглу улыбался в темноте: дела шли превосходно. Он уже около тридцати лет гнал похищенных из-за границы невольников на север Османской империи. И всё это время ему приходилось сталкиваться с постоянной опасностью со стороны флотских и сухопутных дозоров. С тех пор, как гяуры сцепились между собой, и кое-кто из них стал поддерживать правоверных, дела у Чавушоглу пошли в гору. Под прикрытием французских и британских кораблей он, как и другие подобные лица, мог теперь свободно заниматься своим делом. «Подольше бы продолжалась эта война, а ещё лучше – окончилась бы она нашим решительным успехом», с тихой радостью думал Мустафа, и от этого становилось теплее, что ли.

Тем временем фелюга с верной командой находилась уже совсем близко от того места, которое было назначено заранее с доверенными людьми на берегу, когда внезапно спокойное доселе море словно подпрыгнуло, заходило ходуном. Продолжалось это совсем недолго, всего несколько мгновений, а затем постепенно сошло на нет. Но зато вдалеке, где-то в стороне, появились странные огни... или не огни, но какой-то свет, хотя и непривычный — явно не от солнца или костров.

От волнения Мустафа втянул носом воздух, не осознавая зачем. Однако обоняние не предвещало ничего тревожащего. Правда, в том месте, куда они прибыли, почему-то не ждал их никто, хотя бухта оставалась всё такой же тихой и укромной. Поэтому команда «торговцев», раздались короткие недоумённые возгласы, и все решительно двинулись вперёд. В ту сторону, где самый зоркий из всех Селим углядел какие-то темнеющие строения... но не к ним самим, а чуть наискосок, чтобы всё проверить.

- Может быть, мы ошиблись и причалили не там, где надо? – вслух произнёс один.

- Похоже на то, – откликнулся Чавушоглу. В этом сумраке порой сбиться очень легко...

И он оказался прав. Действительно, они приплыли совсем не туда, куда собирались...

В своей ошибке контрабандисты убедились быстро и бесповоротно, так что ничего не успели сделать. Патрульные с ближайшей заставы к тому времени заметили уже незнакомцев, высадившихся на берег с лодки, не несущей опознавательных огней. Здесь знали: честным людям незачем пробираться тайком мимо погранзастав.

Пройдя всего шагов сто, шайка внезапно оказалась ослеплена, всем даже показалось, что вокруг вспыхнуло яркое солнце. Лучи прожекторов позволили пограничникам выиграть драгоценные секунд десять, окружить банду и разрезать её на три неравные части. Те, кто первыми пришли в себя и попробовали махать острыми клинками, оказались ранены сразу же.

При этом настоящим сюрпризом для патруля стала фелюга, которую использовали нарушители. Всё-таки столь примитивные лодки не были в ходу даже у контрабандистов. А применять их для шпионской или диверсионной акции – нелепица вдвойне, для этого точно нашёлся бы транспорт гораздо лучше. Старший тревожной группы терялся в догадках. Что всё это значит? Почему задержанные смотрят на них не только со страхом и ненавистью (что было бы вполне понятно...), но ещё и, в первую очередь, с недоумением.

В 03:40 захваченных доставили на заставу. Стеречь старую, даже нелепо старую, фелюгу, поставили караул — порядок есть порядок. Да и мало ли кто опять попытается проникнуть из-за границы. Впрочем, допрос пленных не дал какого-то определённого результата, и только ещё больше запутал дело – те несли всякую околесицу, одновременно отрицая, конечно, вся-

кую свою вину. Сразу после доклада о результатах разбирательства пришёл приказ – срочно отправить задержанных в управление МГБ.

- Мда, судя по всему, дело действительно серьёзное развивается, иначе бы просто в погранкомендатуру забирали – пробормотал командир заставы капитан Рукавишников. Впрочем, офицер сразу выбросил это соображение из головы, так как появились иные заботы. Следовало немедленно подготовить официальное сообщение о происшествии на имя начальника погранотряда. Вдобавок, внезапно стало светать – слишком рано для 18 ноября 1949 года, да ещё и начиналось неожиданное потепление.

Капитан начал писать: «18.11.1949 года в 03:15 в безымянной бухте патрулём была замечена и захвачена группа неизвестных лиц числом 6 человек, самовольно высадившихся с судна типа фелюги с косыми парусами, не имевшего опознавательных знаков. У задержанных изъяты: холодное оружие – 6 кинжалов из стали низкого качества, огнестрельное оружие – 2 однозарядных пистолета с кремнёвыми замками, явно старинных образцов. Пленные утверждают, что являются подданными султана Османской империи, что вышли из окрестностей Трабзона 10 апреля 1854 года, и что должны были встретиться с неустановленными сообщниками для передачи рабов. Каких-либо документов или записей не обнаружено».

Поставив точку и шлёпнув печать, Рукавишников передал документ своему заместителю, который должен был передать его лично в управление. Затем начальник вернулся к своим обычным делам – требовалось составить ещё несколько других документов, а также распорядиться об отправке новых дозоров, чтобы они сменили предыдущие. Капитан взглянул на часы и поморщился, как от зубной боли – стало намного светлее, чем в середине ноября должно быть в районе пяти часов утра. Ночь не должна была уйти так рано...

Внезапно тарактение грузовика во дворе сменилось какими-то криками, началась возня и беготня. Выглянув туда, командир заставы увидел, что задержанные не идут в кузов, как положено. Нет, они отчаянно упирались, хотя стволы оружия пограничников были устремлены на них. До командира донёсся истошный вопль: «Шайтан!». Затем двое вырвавшихся, среди которых был и Мустафа Чавушоглу, упали на колени. Даже остальные, кто не мог этого сделать, начали в один голос громко выкрикивать: «Би-сми-Ляхи, таваккальту ‘аля-Ллахи, ва ля хауля ва ля куввата илля би-Ллях» («Во имя аллаха, я уповаю на аллаха, и нет силы и мощи, кроме как в аллахе»).

Видя, что происходит что-то не то, капитан вышел быстрым шагом во двор и стал расспрашивать пленных: он немного знал турецкий, что весьма полезно на границе. Выяснив сразу же, в чём дело, раздражённо мотнул головой, а потом распорядился:

- Ладно. Пилюгин! Раз эти ненормальные не хотят ехать на грузовике, перегоните их пешим порядком. Ещё не хватало потом с их художествами разбираться.

Сержант в ответ только пожал молча плечами и принялся выполнять приказ. Идти пешком турки с видимым облегчением согласились. Это было для них не так страшно, как подходить к грузовику. Однако по пути они вновь начинали громко бормотать «бисмиллях» при виде каждого встречного автомобиля или мотоцикла.

Когда они добрались, наконец, до управления, дежурный с видимым неудовольствием пробурчал:

- Ну, где вас столько времени носило? Тут весь Краснодарский край на ушах стоит, не то что мы, собираются военное положение вводить...

Лицо сержанта вытянулось:

- Что, нападение, опять?

- Да никто ничего не знает, все бегают и мечутся! Через десять минут назначено срочное совещание, но что именно на нём будут обсуждать, неясно.

Затем дежурный оглянулся, увидел, что никого рядом нет, и вполголоса заговорил:

- Никакой связи со столицей нет. Даже по ВЧ. А заставы на юге сообщают какую-то ахи-нею, что перед ними якобы другая местность теперь. И что их уже несколько раз пробовали атаковать в разных местах какие-то типы с древними карамультуками.

- А отчего это сюда сообщают, а не в Генштаб..., спросил было сержант, но затем осёкся. В самом деле, если никакой связи с центром нет, поневоле будут военные пытаться узнать всеми способами, ото всех, что произошло.

10:15. Командующий Воронежским военным округом генерал-полковник Шумилов никогда не был настолько потрясён. Ни когда в марте 1917-го шёл в бой во Франции в составе Кременчугского полка, ни в следующем, 1918-м, когда отступал к Перми, ни за шесть месяцев на юге Сталинграда. Потому что всякий раз прежде обстановка могла быть насколько угодно угрожающей, даже могла быть прямая угроза собственной смерти... но это было хотя бы понятно. Вот враг, которого надо бить, вот свои силы, которые должны это делать. А сейчас – творилось нечто принципиально необъяснимое.

На столе командующего лежали несколько пакетов с приказами, запросами... Адресованы они были не ему – а в Крым, людям, о которых он разве что в учебниках истории мог прочесть. Только что практически, четверть часа назад, эти бумаги доставили срочно вылетевшим самолётом, и что с ними делать, генерал-полковник не понимал. Но вдруг пришла спасительная мысль, за которую он и ухватился.

- Будем действовать пока, как окружённая, отрезанная армия – сама собой вырвалась фраза. Руки сами собой легли на край стола, будто проверяли, прочен ли он.

Тем временем, пока военные и органы государственной безопасности пытались восстановить контроль, у периметра перемещённой зоны люди пробовали понять сами, что произошло. И порой им приходилось разбираться с обстоятельствами весьма неприятными, даже трагичными...

18 ноября 1949/ 12 апреля 1854 года. Станция Шаршки Липецкой области (близ одноимённой деревни).

Ранним утром сюда сбежались все местные жители. И было отчего – внезапно раздавшийся жуткий грохот не расслышал бы только абсолютно глухой. Даже в лесу, километрах в двух, можно было понять, что что-то произошло. Один из скорых поездов, который должен был проследовать небольшую станцию без остановки, не успел затормозить, когда машинист увидел, что впереди внезапно кончились рельсы. Колёса выбрасывали искры, но ничего было сделать уже нельзя, крушение оказалось неизбежным. Теперь приходилось тащить и держать людей, оказывая им помощь.

Конечно, кто-то побежал звонить по единственному имевшемуся телефону... но пока ещё поддержка придёт, пройдёт, ещё около часа, наверное. А пока – приходилось самостоятельно разбираться с проблемой. Стонущих, окровавленных и побитых пассажиров, проводников принимали и отводили в сторону, промывали и обрабатывали раны. Местный фельдшер взял последнюю марлевую салфетку и на мгновение замер, глядя на толпу стонущих людей. Запасы перевязочных материалов закончились, оставалась лишь ткань.

Вдруг кто-то выкрикнул:

- Рядом ведь аэродром сельхозавиации! Пошлите кого-нибудь скорее туда!

Участковый вскочил на мотоцикл и покатил полным ходом к аэродрому. Спустя полчаса первый экстренно вылетевший самолёт забрал нескольких наиболее «тяжёлых» раненых. С ними на борту он и отправился далее в ближайший районный центр: для полёта до крупных городов не хватило бы горючего. Минут через десять после этого на дороге послышались и первые сирены.

Не успели кареты скорой помощи отъехать, как следом появились новые люди. С севера подкатили один за другим два обоза. В первом из них, следовавшем из окрестностей Нижнего Новгорода, везли кожаные сапоги, заказанные для действующей армии, а в другом – шло

несколько телег с кирпичом и алебастром. Грузы самые обычные, но теперь смотрящиеся несколько диковато и чуждо посреди развернувшегося бедствия. Чуть позже, в половине седьмого утра, подкатила повозка с чиновником консистории, которого из Ярославской губернии переводили в Харьковскую. Все эти люди, въехав на неведомую и непонятную землю, остановились в растерянности, не зная, что делать дальше – то ли продолжать путь, то ли возвращаться назад, то ли ещё что.

12 апреля 1854 года. Около 11:30.

Генерал-полковник Шумилов только что завершил очередной телефонный разговор с командованием другого «уцелевшего» военного округа, и облегчённо выдохнул:

- Во всяком случае мы не одни. И никто нас пока не атакует, что уже хорошо. Значит, будет время разобраться обстоятельно во всех деталях.

Лишь трубка коснулась рычага, как он почувствовал, словно исчез давящий на плечи мешок с камнями.

Но долго размышлять на эту тему ему не пришлось. Уже на 11:40 было назначено экстренное совещание между всеми руководителями перемещённых территорий. Все прежние рутинные заботы и решения, естественно, отставили пока на второй план; к тому времени в штабе, собрав воедино разрозненные сведения, сложили из донесений хоть какую-то чёткую картину происходящего – вокруг действительно 1854-й год. За эту новость ухватились как за соломинку: появилась определённость, пусть и самая минимальная. Осталось решить, что именно сделать дальше, какими должны быть хотя бы первые шаги.

Обсуждение шло по радиосвязи, открытым текстом. Тратить время на шифрование и меры защиты, когда буквально секунды утекают, было попросту неприемлемо; перехватить всё равно никто бы не сумел. Когда руководитель Краснодарского исполкома Пантиков предложил ввести военное положение, поначалу другие собеседники пришли в замешательство – ведь это означало превысить свои полномочия, принимать такие решения вправе лишь высший законодательный орган. Пришлось срочно подключать к беседе нескольких региональных прокуроров, и те подтвердили, немного подумав: теперь, когда всё настолько сильно и круто изменилось, промедление попросту непростительно. Всё тот же Пантиков снова решил высказаться:

- Если всё вернётся «как было», как раз за бездействие могут и спросить со всей строгостью. Сейчас, когда никто ничего не понимает, нужно объяснить хотя бы самое главное. Плюс – прикрыть границы, чтобы из-за них никто не лез. А то это совсем не дело, если всякие сомнительные личности оттуда начнут шататься свободно у нас, станут грабить и людей похищать. А они станут, как только поймут, на какую «золотую жилу» наткнулись...

Постепенно разговор перешёл с тревожных обобщений на дела практические. Решили пока не трогать название государства и не затевать административные реформы: хватало и других забот. Только те части областей по периметру, которые переместились не целиком, присоединить к присутствующим целиком регионам, чтобы не создавать лишней проблемы.

В качестве импровизированной «столицы» пока что решили использовать Ростов. Туда должны были переехать на время все главы областей и республик, а также командующие военными округами, оставив вместо себя своих заместителей. Согласились также, что этот импровизированный орган чрезвычайного управления будет действовать ровно до тех пор, пока не будут сформированы через обычную процедуру привычные структуры управления.

Военное положение решено было ввести на всей имеющейся территории, а комендантский час – только в 20-километровой пограничной полосе. Мобилизацию объявлять не стали; как заявил Шумилов:

- Уже тех сил, которые есть, хватит, чтобы объяснить кому угодно вокруг, что мы невкусные и жевать нас не надо. И даже сами войска – если за ближайшие двое суток не произойдёт ничего тревожного – надо перевести обратно на постоянную боеготовность. Нет нужды их попросту перенапрягать.

Потом согласились ещё ввести временно карточное обеспечение товарами первой необходимости. Не только из-за самой по себе чрезвычайности обстановки, но и ради того, чтобы меньше использовать купюры. Ведь Гознак теперь совсем недоступен, и заменить его получится только через 3–4 месяца в лучшем случае.

Потом обсудили ещё короткое обращение, которое должно было объяснить случившееся. В обращении было всего два тезиса – первый про само сложившееся положение, а второй – про уверенность в том, что все трудности будут преодолены. И отдельно подчеркнули, что все законодательные нормы остаются в силе.

Наконец, перешли к делам внешнеполитическим. Хотя мнения, что предпринять, поначалу разошлись, но в итоге утвердили некую базовую доктрину из двух пунктов. Во-первых, решили не устанавливать контроля над какими-либо территориями соседних государств – и не только ради того, чтобы завоевать некое доверие, но и потому, что со своими бы землями управиться как-нибудь. Во-вторых, согласились, что надо придерживаться нейтралитета и не влезать во внешние конфликты. Естественно, если они не затронут союзную территорию или своих граждан напрямую.

Внезапно инициативу взял в свои руки глава Сталинградского обкома Гришин. Будучи также руководителем строительства Волго-Донского канала. Он настаивал, что судьбу стройки надо решить сразу: продолжать, заморозить её или вовсе прекратить. Довольно быстро пришли к выводу – каналу всё-таки быть, причём в первоначально запроектированном виде. И не только потому, что он был важен для перевозок, но и по целому ряду других причин. Этот водный путь позволял в перспективе наладить орошение засушливых земель, построить новую гидроэлектростанцию. Впрочем, едва ли не важнее было иное обстоятельство – успешное завершение проекта неизбежно спланивало оказавшихся в 1854-м. И, наконец, оно являлось бы неоспоримым доказательством дееспособности страны, поднимало бы её авторитет – и внутри, и за границей.

И тут всплыла проблема, от которой нельзя было отмахнуться. На строительстве занято было около 100 тысяч немецких военнопленных. Вставал вопрос – что с ними делать дальше? Не прямо сейчас, конечно, а со временем. Вернуть-то в Германию попросту невозможно, её просто нет.

- А ничего с ними делать не придётся специально. Они и сами уезжать не станут просто так.

- Это с чего вы взяли?

- С того, что никто в здравом уме без причины весомой не отправится туда, где постоянно рискуешь подцепить холеру, тиф или ещё что-нибудь, например. А если и захочет кто – что ж, скорбные главою сами себе путь избирают.

- А то, что они знают и умеют?

- Неважно. Всё равно, ещё несколько лет пройдёт, пока строительство завершится. За это время любые тактические секреты и исторические события станут неважны. К тому же всё, что они смогут (или с их помощью сумеют) создать на зарубежной промышленной базе, не представляет для нас серьёзной угрозы уже сейчас – и ещё меньше будет угрожать в дальнейшем.

Тут же всплыл не менее тягостный вопрос. На перенесённой территории оказались тысячи военнослужащих, призванных из многих других местностей, которые были теперь неизвестно где. В итоге постановили – таких в первую очередь демобилизовывать (и, кстати, заодно поручить военным подготовить соответствующие новым условиям планы мобилизационного развёртывания), а дальнейшую их участь – передать в распоряжение территориальных военкоматов и местных властей. Так же решили поступить и с теми из отбывавших наказание, кому уже некуда было бы после освобождения возвращаться.

Также на уровне районов и населённых пунктов предписали расселять и устраивать тех, кто оказался здесь случайно — по службе, по личным делам или просто проездом.

Совещание, затянувшееся почти до часу дня, завершилось обсуждением внешних контактов. Первым высказался командующий Северо-Кавказским военным округом генерал-полковник Трофименко.

- Никуда никакие делегации лучше пока не посылать, потому что в этом нет никакого смысла. Для всех «местных» мы пока никто, а у нас самих много неустройств имеется. Взять хотя бы новую границу на севере, западе и востоке. Нужно её укрепить, явно обозначить, чтобы не было там проходного двора. Без этого – о каком же серьёзном государстве может речь идти? Да и с хозяйственными делами много чего сделать предстоит...

Гришин возразил:

- Но и без дипломатии тоже – в середине 19 века – нельзя считаться серьёзным государством?

В разговор включился Пантиков:

- Нет никаких целей у дипломатии прямо сейчас, вот в чём соль. О том, что из себя представляют страны остального мира в данный момент, и чего хотят их правительства, мы знаем чуть ли не лучше этих правительств – без всяких посольств. А добиться, например, официального отказа европейской коалиции от нападений на наши суда и прибрежные города будет гораздо проще, если слова на переговорах будут подкреплены фактами. А ещё лучше – непосредственными впечатлениями. Пусть приезжают и договариваются сами.

Его поддержал Шумилов:

- Согласен. Тем более что на ближайшие дни у нас всех и без того забот хватит. И, сверх того, пусть проявят заинтересованность местные тоже. Один из первейших законов переговоров – проситель сам себя ставит в слабую позицию. Нам это ни к чему.

Да, пока вокруг привыкли месяцами выстраивать дипломатические комбинации, вести долгую неспешную переписку, тут решали вопросы стремительно.

Борисоглебское авиационное училище, 16:00.

Курсанты были крайне ошарашены внезапно обрушившейся на них новостью. И – горячо обсуждали её, даже те, кто приехал издалека. Громче всех говорили те, кто из-за случившихся событий лишился своего дома, родных, друзей... Всех будоражило одно – мобилизуют ли их срочно, поставив «под ружьё», или, наоборот, станут распускать и сокращать, так как в новых условиях никакого смысла как будто пополнять авиацию не было.

- Да нам и полусотни самолётов хватит за глаза! - горячились одни – хватит и полусотни самолётов, чтобы полностью обеспечить безопасность. Пехота на грузовиках, танкисты и артиллеристы и без того куда подвижнее, чем любая иностранная армия.

- Да с чего вы взяли, что ВВС сокращать будут? – возражали им другие. – Наоборот, именно теперь «длинная и быстрая воздушная рука» нужна как никогда прежде. От такого не отказываются!

Точку в спорах поставил вызов на общий сбор. Начальник училища Орлов не стал разводить церемонии. Коротко и жёстко он объявил:

- Несмотря на невероятное происшествие, планы теоретической и практической подготовки остаются неизменны. Меня уже заверили, что необходимые для полётов ГСМ будут предоставлены в полном объёме, а в течение года максимум наладят выпуск недостающих запчастей и инструментов для обслуживания техники. Продолжаем учиться.

За два часа до построения в Борисоглебске, на военном аэродроме 34-й воздушной армии, базировавшейся под Баку, споров и растерянности не было. Там шёл на взлёт самолёт-разведчик, экипажу которого поставили задачу – пройти по маршруту Баку-Тебриз-Мосул. Предыдущие вылеты доходили только до предместий Тебриза и сразу поворачивали назад. Теперь же командование распорядилось – так как обстановка стала гораздо яснее, и противодействия ПВО либо истребительной авиации ожидать не приходится, надо проникнуть заметно дальше, чтобы уточнить интересующие штаб детали.

Да, хотелось бы послать авиаразведку в район Басры, Дамаска или Бендер-Аббаса, например. Однако Ту-2Р, обладавший полной дальностью всего в 2000 километров, не смог бы вернуться из такого полёта. Поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть.

Сам перелёт проходил спокойно и буднично – как только и может происходить перелёт военного самолёта, которому заведомо ничто не мешает. Выслушав доклад лётчиков и дождавшись проявления отснятых плёнок, командование воздушной армии стало сверять полученные данные со срочно доставленной из архива картой образца 1889 года (более старые не сохранились, но хоть что-то). Итог звучал коротко и совершенно недвусмысленно:

- Как минимум в радиусе 1000 километров на юго-запад действительно чистый XIX век...

Глава 2. Следующие дни

Только 13 апреля 1854 года, во второй половине дня, к губернатору санджака Трабзон примчался на изнурённом от долгой скачки коне гонец, уведомивший о непонятных событиях на востоке. Военные на окраине попросту не сразу поверили в произошедшее, слишком оно выбивалось из всех привычных рамок. Но – наткнувшись на солдат в невиданной форме, которые осмелились заявить, что «охраняют государственную границу», попросту опешили. Когда же они убедились, что «северные гяуры совсем обнаглели», то попробовали атаковать Аджарию сами, не дожидаясь подкреплений. Потому как за подобный провал стамбульские начальники по головке не погладят, конечно.

Наткнувшись на мощный огонь из винтовок, ручных и станковых пулемётов, атакующие потерпели сокрушительный разгром. Однако преследовать немногочисленных бежавших в беспорядке турок никто не стал – это специально запрещал недавний приказ, изданный, чтобы не провоцировать османскую сторону и её европейских союзников сверх меры. И вот теперь губернатор с недоверием выслушивал рассказы про «адских солдат, каждый из которых стреляет так часто, как целый взвод». И – решал, стоит ли посылать экстренного курьера к падишаху, или все-таки нет... В итоге он решил: если не отправить известие сейчас, может получиться так, что кто-то другой сообщит первым, и тогда несдобровать. Султан очень не любит, когда от него пытаются что-то утаивать.

14 апреля 1854 года. Около 20:00.

Владимирский губернатор Анненков пытался разобрать хоть слово, выслушивая свидетельства людей, увидевших совершенно необыкновенные вещи. Они говорили сбивчиво, путано, перебивали друг друга, и в этом хоре отдельные голоса почти полностью терялись. Пришлось даже рывкнуть:

- По одному! По очереди!

Толпа притихла, и можно было начинать разбираться в деле.

Первым губернатор потребовал говорить самого бойкого из всех – купца второй гильдии Федосеева. Тот и сам рвался вперёд, отчаянно размахивая руками, словно отбивался от невидимых насекомых.

- Так, ваше превосходительство, фармазоны там, и знамёна ихние фармазонские, и одеты все непонятно как, а девицы и вовсе по-срамному — проговорил Федосеев, глотая от нахлынувших на него переживаний слова.

Больше ничего особенно ценного Анненков узнать не смог – купец понес всякую чепуху, цепляясь за пустяки, совсем не интересовавшие чиновника.

Губернатор развернулся к становому приставу Гаврилову. Тот оказался более толковым свидетелем, не сбивался, не путался, а сразу начал рассказывать:

- 11 апреля ко мне прислали от помещика N записку, в которой тот просил явиться срочно, поскольку его крестьяне отбились от рук, не хотят платить положенный оброк, и надо их вразумить. Я и ещё несколько человек сразу выехали и восстановили порядок. Время было позднее уже, около девяти вечера, и я предпочёл заночевать в селе. Возвращаться думал утром: при свете путешествовать удобнее, и крестьянам вразумление от присутствия властей выходит.

Рано утром разбудил нас громкий и непонятный шум. На улице стояла чудная колымага без упряжи – я подумал, что это паровой экипаж, и оттуда подавали гудки. Приехавшие таращились на нас, как будто мы актёры в театре, а потом стали настойчиво спрашивать, где находится какое-то Заготзерно. Я сразу сообразил, что это – тайный пароль карбонариев, и решил во всём разобраться, выследить шайку, которая округу баламутит. Неспроста в деревнях смятение, значит, надо с этими людьми опасными разобраться.

С этого места Анненков моментально насторожился, поскольку дело и впрямь приняло нехороший оборот. Пристав же продолжил:

- Своих сотских я отозвал в сторону и вполголоса приказал им ехать вместе со смутьянами, обнаружить их логово, и затем осторожно, не подавая вида, что что-то заподозрили, вернуться назад. Что с ними произошло затем, и поймали ли они кого-то, я не знаю...

- То есть как?

- Я, ваше превосходительство, выждал немного, пока они уедут, да и двинулся в ту же сторону верхом. Спустя три версты дорога стала как грифельная какая-то...

- Что значит грифельная?

- Твёрдая, на карандаш похожая — Гаврилов начал вертеть пальцами, будто и в самом деле сжимал карандаш.

Губернатор вопросительно посмотрел на исправника, тот понял всё правильно, и громко сказал:

- Да не пахло от него ничем, когда он с докладом ко мне явился!

Анненков коротко кивнул, взмахнул рукой слегка, и Гаврилов продолжил:

- А затем, ваше превосходительство, я заметил странное селение. Сначала подумал, что барский дом на околице самой, хотя где такое видано. Но только крохотный он был...

- Отчего же ты тогда решил, что это барский дом? – быстро спросил губернатор.

- Да там стёкла в окнах и крыша железом обита была. У крестьян такого нет, сами знаете.

- А дальше-то что? – с нажимом произнёс начинающий терять терпение Анненков.

- А дальше – я прошёл немного, осторожно, хорошо, на улице никого не было. Видать, все уже в поле на работы разошлись как раз. А дальше, куда ни посмотрю, все дома точно такие же со стёклами и без соломы.

- И ты сразу назад развернулся, когда всё это выяснил?

- Да. И решил немного дорогу срезать, чтоб быстрее доложить. А там как раз карбонарское кладбище даже при селе.

- И как ты понял, что оно карбонарское?

- Да где ещё встретишь столько могил нехристианских? И надписи на них...

- А с надписями-то что не так?

- А надписи, ваше превосходительство, все с ошибками грубыми, да с годами сумасбродными...

Отпустив этих людей, Анненков немедленно распорядился пригласить теперь ещё двоих – жандарма и своего чиновника по особым поручениям Виноградова. Этим людям губернатор вкратце рассказал о странных докладах, пропавших сотских, непонятном селении и кладбище.

- Воинскую команду я уже послал, но ваше задание не только в том, чтобы найти зачинщиков бунта и примерно наказать их. Скачите быстрее, опередите военных, но чтобы я раньше знал, что именно случилось.

Оба только гаркнули, пожирая его глазами и стоя навтыжку:

- Рады стараться!

Они прекрасно понимали, с чем связано такое задание. Уже через неделю во Владимирскую губернию должен был приехать флигель-адъютант, и к тому времени Анненков хотел бы, конечно, подготовить обстоятельный доклад о подавлении беспорядков и о том, как он, губер-

натор, печётся о спокойствии вверенного ему края. И – ещё о том, чтобы доклад военных не выставил его в дурном свете.

По дороге чиновник и жандарм постоянно возвращались к услышанным ими необычным известиям. Но оба склонялись к тому, что это просто нелепый обман. Вот только чей и с какой целью?

- Обдурили-то Гаврилова, коротко выпалил жандарм. Спектакль перед ним разыграли, а он и поверил.

- Похоже на то. Каков бы ни был бунт, а дороги, дома странные и кладбища чудные оттого сразу не зарождаются.

- Вот и я о том же.

Вдруг Виноградову пришла в голову неожиданная мысль:

- Если Гаврилова обманули, то куда же сотские-то делись?

- Приедем – увидим, меланхолично ответил жандарм.

Доехать до нужного места им не удалось. 15 апреля, около 10 часов вечера, когда оба уже располагались на постоялом дворе, ожидая, что завтра чуть рассветёт продолжат путь, вдалеке раздался звон колокольчиков, затем ещё, ещё и ещё бубенчики вплелись своим перезвоном. Жандарм заинтересовался этим непонятым наплывом экипажей и, насторожившись, вышел на улицу. Свет фонаря был тускл, выхватывал только небольшую часть двора, но сразу было видно — приехали несколько помещичьих семей. А вдалеке уже мелькали ещё какие-то силуэты повозок. Явно что-то не так, раз столько человек пустились в дорогу в заведомо неурочный час.

Увидев его форму, прибывшие моментально расслабились, но даже впотьмах они выглядели перепуганными до полусмерти.

- Беда. – Прохрипел один из приехавших в последней повозке. – Пугачёвщина.

Когда хоть немного спало напряжение, и приехавшие поняли, что, во всяком случае, прямо сейчас за ними никто не гонится, они смогли рассказать подробности. От их повествования и у жандарма, и у чиновника начал расти комок ужаса.

- На юге губернии – заговорила седая румяная графиня Тизенгаузен, голос которой дребезжал, а руки выбивали крупную дробь – на всех дорогах уже посты стоят и никого не пропускают туда. Даже в лесу по тропинке, рассказывают, не пробраться теперь – там тоже заставы появляются.

- И не только отдельным повозкам не проехать – ввернул её сосед, словно боявшийся остаться неслышанным – но даже и полицейских заворачивают.

- Что значит «полицейских заворачивают»? , слегка удивился Виноградов.

- А то, мон ами, и значит, что не проехать даже и с оружием никак – с нервным смешком закончила тираду Тизенгаузен. Больше она добавить ничего не могла.

Жандарм обратился к стоявшему в стороне молчаливому, рослому и плечистому мужчине, моментально распознав «военную косточку».

- Вы, видно, служили?

Собеседник одёрнул невидимый мундир.

- Смоленского пехотного полка поручик Михайлов к вашим услугам!

- Расскажите-ка, что вы видели и знаете?

Отставной поручик явно оживился:

- Я видел самые эти посты, которые выставлены. Сразу съездил туда, чтобы опытным взглядом посмотреть.

Все остальные напряжённо замолчали, ловя каждое слово.

Михайлов же немедленно продолжил свою речь:

- Строятся крепко, как на границе. Никого и в самом деле не пускают, но и дальше не идут. Ружья двух видов – короткие и длинные, ближе подойти никак не мог, потому больше не

скажу. Есть ещё то ли большие ружья, то ли крохотные пушки – на двух постах видел. Одеты как канарейки во всё зелёное, никакого тебе армейского шику и удали. Собаки везде есть ещё.

- Про собак потом – даже притопнул от нетерпения жандарм. Что-нибудь ещё заметили?

- Да у них ещё какой-то непонятный обряд в ходу. Сам видел пару раз вдаль: раздаётся звон, человек на посту берёт что-то в руку, и как будто сам с собой говорит...

Выслушав всё это, оба посланца губернатора переглянулись, утратив былую уверенность. Чтобы не тревожить никого и обдумать свои действия, они отошли в сторону. Там было темно, но зато отсутствовали посторонние уши. Жандарм первым прервал тягостную паузу.

- Итак, похоже, выполнить поручение его превосходительства никак невозможно?

- Да – в тон ему отвечивал Виноградов. Там, где бессильна узнать истину оказалась вся полиция, где захвачены, возможно, несколько уездов уже, что могут сделать два человека?

- Вопрос в другом, откуда столько волтерьянцев взялось в тылу глубоком...

- Может, это британские лазутчики или польская интрига?

Жандарм посмотрел на чиновника особых поручений так, словно услышал бред:

- И как бы столько лазутчиков пробралось бы через границы, через целые губернии, да ещё так, что никто ничего не заметил? Или как столько поляков незаметно сбежало из Сибири или пробралось опять же извне в пределы империи?

- А волтерьянцев столько – на ковре-самолёте прилетело?

- Да не знаю я! – вспыхнул вдруг жандарм. Нужно разбираться. Нужно подойти поближе и взглянуть, возможно, пробраться на землю, которую заняли мятежники. Там и только там – ключ.

Они задержались, чтобы наскоро перекусить на постоялом дворе. На этом настоял Виноградов:

- Неизвестно ведь, что нас ждёт впереди, и когда ещё мы сможем вновь сесть за стол.

Его спутник собирался было взять первых сменных лошадей и укатить в сторону цели, но спустя несколько секунд махнул рукой:

- Ваша правда, сударь. Кидаться сразу в серьёзную разведку, не подкрепившись, глупо.

Блюда выставлял сонный смотритель. Он насупясь смотрел на «господ», разбудивших его в очередной раз. Сами они молчали, продолжая ломать голову над появившейся загадкой. Не успели далеко отъехать, как все эти догадки моментально испарились сами собой, и осталось лишь ощущение, что скоро разгадка будет получена.

Оба направлялись тем же путём, про который рассказывал Гаврилов. Впрочем, добраться до цели им не получилось. Лишь только экипаж, на котором они ехали, дремля, прокатился двадцать минут по лесной дороге, как путешественников вернули к реальности внезапный шум, ослепительный свет и испуганный вскрик возницы:

- Батюшки, что это деется?

«Так глупо попались», подумал Виноградов.

«А бунтовщики-то половчее, чем я считал», с горечью заключил жандарм.

Впрочем, на сожаления им не дали и минуты. Всех троих передали в погранотряд, а затем – на милицейский автомобиль перевёз их в районную комендатуру. Вскоре они уже превратились в строчку в очередной статистической сводке.

Никто из них не знал, конечно, что эти цифры в 10 часов утра 16 апреля 1854 года доложат первому секретарю Ростова Патоличеву. Из-за объявления этого города столицей тот стал временно исполняющим обязанности главы СССР. В отчёте значилось, что число задержанных на границах превысило уже две тысячи человек, среди них – пятьдесят два чиновника, тридцать шесть армейских и флотских офицеров, восемьдесят четыре полицейских, тридцать восемь торговцев – от купцов второй гильдии до мелких разносчиков товара, одиннадцать иностранцев из нейтральных стран...

«И это – за четыре неполных дня. Дальше будет больше. Уже скоро начнётся, возможно, через пару дней, большая суeta из-за всего этого, вот-вот встревожатся и в Петербурге, и в Стамбуле... далее – везде. Похоже, время сидения в скорлупе подходит к концу даже раньше, чем думали».

Патоличев немедленно по спецсвязи позвонил Шумилову, боевому опыту которого доверял. Кратко изложив суть дела, уточнил:

- Как вы полагаете, чем это нам угрожает?

Генерал-полковник, поразмыслив несколько секунд, коротко и сухо ответил:

- Пока – ничем. Но если всё так, то самое большее через сутки-полтора в Петербурге поймут, что кто-то другой контролирует обширные территории, причём чуть ли не в опасной близости от столицы. Масштабной войны сразу начать не смогут независимо от желания – нужно и сам Петербург с Финляндией прикрывать, и западную, и южную границу усиленно обеспечивать. Но столкновения тогда – неотвратимы.

- И лучше было бы их избежать..., заключил глава государства.

- Так точно. Стрелять только из-за недоразумения очень не хотелось бы.

- Хорошо, тогда на сегодня на 14 часов назначаю новое радиосоветание насчёт предстоящих переговоров, вы тоже будете участвовать.

- Слушаюсь!

Помолчав, Патоличев продолжил:

- А что с Турцией, тоже считаете нужным договориться поскорее?

- Полагаю, что с ней во вторую очередь. Но тоже – отложить можно максимум до 18–19 числа.

Когда советание началось, схлестнулись две точки зрения. Руководители Азербайджанской, Армянской и Грузинской республик – Багиров, Арутинов и Чарквиани соответственно, поддержали «активный нейтралитет» Пантикова, Гришина и Муратова (Астрахань). Они говорили:

- Безусловно, воевать на чьей-либо стороне в развивающемся сейчас конфликте нам нет никакой необходимости. Но – следует разрешить проход российских войск и доставку военных грузов по нашей территории. Это будет, между прочим, вполне соответствовать известному нам ходу истории – и потому не может считаться даже особой мерой военной поддержки.

- Это же просто уловка, - произнёс один из оставшихся в меньшинстве. — В Европе сразу будут недовольны.

Багиров ехидно заявил:

- Бойтесь газет? Да они нас грязью обольют в любом случае, как ни сделай.

Тут один из критиков ухватился за последний, непрошибаемый козырь:

- Вы что, хотите поддержать систему, основанную на крепостном праве? Неужели вам всё равно, что с людьми делают?

- Не надо искажать. Нам крепостные порядки неприятны не меньше вашего. Но именно пропуск войск – и вообще возможность прямого посещения нашей территории – окажется наиболее эффективна. Да в Петербурге завоют, словно голодные волки, когда поймут, какую бомбу замедленного действия получили.

- Но там обязательно будут настаивать на том, чтобы никакой агитации и пропаганды для проходящих войск и гражданских лиц не велось...

- Специальной агитации нам не потребуется. Одних живых впечатлений более чем достаточно будет.

Однако оппонент не унимался:

- Ну и что же, по-вашему, увидят войска? Не станешь же их водить везде и всюду, показывать одно, другое, третье... Да и, опять же, будут настаивать, чтобы они были изолированы от всего, только побыстрее и следовали к цели...

- Вот это-то подойдёт идеально.

- Не говорите загадками...

- Не стоит всё-таки – перегружать впечатлениями. Достаточно самого малого, если подойти правильно. Приличные казармы. Полноценное довольствие в пути. Будут настаивать, чтобы войска быстрее приходили куда нужно? Значит, они увидят вагоны и грузовики, а не станут шагать на своих двоих. Кое-где можно и автобусы выделять.

- А если солдат случайно в окно вагона комбайны увидит... - вставил один из спорящих. После этого дискуссия сразу завершилась.

В тот же день, 16 апреля 1854 года, капитан Рукавишников беседовал со своим заместителем во время обеда. Пилюгин с ноткой напряжения спросил:

- Ну, сейчас, наверное, вся история перекоится и пойдёт иначе... Не будет высадки в Крыму точно.

- Может быть и будет – отреагировал капитан.

- Отчего же так? – заинтересовался Пилюгин.

- Ты знаешь, что взаимная диспозиция сторон не поменялась. И их цели и проблемы – тоже. Не на Камчатку же теперь основное столкновение перенесут... Нет, может быть, и не в Крыму, но точно где-то на Чёрном море – ведь именно выход через проливы есть камень преткновения.

- А почему бы тогда не начать большую сухопутную войну европейцам?

- А они уже пробовали 42 года назад, и тогда было разом 700 тысяч войска, а не 500 тысяч за все 1854-1856 годы. Результат ты знаешь, как и я. Да и зачем тогда Англия с её флотом особо, если воевать собираешься в глубине суши?

- А значит, - хмыкнул Пилюгин, - без транзита через нас имперцам трудновато обойтись будет.

- Рад что ты меня понял.

17 апреля 1854 года. Работали на земле предстояло решать свои, особые проблемы, не менее важные, чем внешняя политика, но проявляющиеся гораздо быстрее и бившие без промаха. Так, дополнительные тёплые месяцы, это, конечно, приятно, но – когда такой сюрприз происходит внезапно, это ломает все планы аграрных работ. Вместо привычных осенне-зимних дел – селяне «в пожарном порядке» готовили к форсированную вспашку полей и весенний сев.

- Машины не подвели бы, вздыхали механики и руководители машинно-тракторных станций. Зимой рассчитывали перебрать, подлатать поломки. А теперь за одним летом другое сразу навалилось.

С животноводством на поверхностный взгляд дела шли лучше. Но и там хватало треволений:

- Как такое прежде необыкновенное совершенно событие повлияет на поголовье? Весной, конечно, хорошо... но ведь к таким встряскам животные могут и не приспособиться.

Охотники и рыбаки, понимая, что ничего не поделаешь, всё равно не могли скрыть недовольства. После внезапного перескока из ноября в апрель, им пришлось сразу же зачехлить ружья, капканы и сети. Власти распорядились остановить охотничий сезон ещё накануне, 16 числа. Но если охотник хотя бы умом понимает, что произошло, то вот в самой дикой природе, среди животных, а отчасти и среди растений, наступило смятение. Животные метались, не понимая, что делать: биологические часы оказались начисто сбиты.

В человеческом хозяйстве тоже обнаруживались неурядицы и беспорядки разные. Интенданты военного и других ведомств лихорадочно носились, пытаясь поскорее выдать летнюю униформу. С каждым днём солнце пригревало сильнее, и тёплая амуниция превращалась в орудие пытки. Котельные сбрасывали нагрузку, котлы топили по-минимуму, сокращали прокачку воды на тепловых пунктах.

- Да какой к лешему регламент! — кипятились одни энергетики. — Меньше месяца и топили. Обслуживать сети по полной программе глупо.

- А если трубы начнут лопаться? Никогда такого не было, значит, надо всё проверить. Заморозим следующей зимой людей, что тогда?

На транспорте тоже бурлила работа. Но если в автохозяйствах и на железной дороге, по сути, наибольшей головной болью стала быстрая замена зимних технических жидкостей и смазок на летние, то в речных и морских портах дела пошли наперекосяк. Регулярный ремонт и техобслуживание, традиционно намечаемые на декабрь-март, пришлось отбросить. В лучшем случае на устранение критических поломок оставалось дней десять-пятнадцать. Уже с 30 апреля вновь открывалась навигация. Оставалось надеяться, что машины не подведут.

И перевозок — что по суше, что по воде — ожидалось очень много. Правда, меньше, чем боялись транспортники и их начальники. Большинство санитарных врачей склонилось ко мнению, что не следует, вопреки очевидности, начинать немедленно массированные курортные программы. Они сочли, что даже и для людей, не то что для животных, сразу после сдвига естественного цикла, особенно вредно окажется менять климат. Это соображение одобрили и ответственные за содержание самих санаториев и морских курортов, которые тоже не желали бы подобной встряски — уже для себя. Наконец, к подобной точке зрения присоединились военные, представители МВД и МГБ:

- В нынешних условиях обеспечить полную безопасность на курортах, особенно на черноморском берегу Краснодарского края, а также на Азовском море, будет практически невозможно. Нельзя исключить отдельные эксцессы, несмотря на все принимаемые по защите побережья меры.

Впрочем, недовольных решением не начинать курортный сезон до особого распоряжения практически не нашлось, во всяком случае, среди ответственных людей, привыкших думать наперёд и учитывать последствия. Даже если бы кто-то желал отправиться на отдых в ближайшее время, и пусть даже мог бы это как-то организовать, перевешивало обычно другое соображение.

- Если один раз нас швырнуло в прошлое, значит, может произойти такое и второй, и третий раз. Поедешь на курорт, и можешь оказаться вообще неизвестно где и когда. Конечно, это может произойти даже когда будешь дома или на работе, но всё-таки так лучше, чем в отъезде. Провалишься, и ни денег, ни документов, ни знакомых, ни жилья, ничего. А то ещё в каменный век угодишь какой-нибудь.

18 апреля 1854, полдень. Солнечные лучи били в окна, но дело не желало становиться яснее ни на йоту. Владимирский губернатор Анненков пребывал в состоянии полнейшей растерянности. Ещё вчера должны были вернуться посланные им чиновники — но о них по-прежнему не было ни слуху ни духу. Невесть куда пропал и военный отряд, посланный им во взбунтовавшийся уезд — во всяком случае, вчера вечером или сегодня утром должны были доставить сообщение о том, что именно произошло, но никаких вестей от войска не поступало. А в губернский город стекались беглецы, сообщавшие о разразившемся бунте. Первоначально Анненков думал, что это какое-то преувеличение всё-таки, «у страха глаза велики». Но буквально час назад прибыл курьер из Нижнего Новгорода с сообщением, от которого у губернатора дух перехватило на минуту. Оказывается, неизвестные мятежники перекрыли уже судоходство по Волге. Несколько пароходов, которые направлялись из Самары и Симбирска в Астрахань, не добрались и до Царицына — им пришлось повернуть обратно.

Правда, «меланхолия» длилась недолго, считанные несколько минут, пока губернатор не взял себя в руки. А затем созрело решение — не только не скрывать случившееся от флигель-адъютанта, но и вперёд него послать курьера. Потому как происходящее явно выходило за пределы его, владимирского губернатора, возможностей и полномочий.

По улицам Владимира катили пролётки исправников, грохотали гружёные телеги. Дворники, как обычно, подметали улицы, стояли на постах городовые, а почтальоны разносили письма. Но видимая безмятежность вот-вот должна была рухнуть.

Глава 3. Выход на сцену

18 апреля 1854 года, Ростов.

Всего полтора дня назад назначенный министр государственной безопасности просмотрел очередные доклады с мест. Они были неутешительны и пропитаны неподдельной тревогой за самые ближайшие дни. Изоляция страны поневоле будет прервана – не изнутри, так снаружи, и это станет началом неприятностей. В одной из докладных записок даже расписали сроки реагирования заграничных правительств. Вывод автора записки был недвусмысленный: если за 19–21 апреля не послать в Санкт-Петербург, а до 25–27 апреля в Стамбул делегацию и не обозначить «кто мы такие есть на самом деле», неизбежны боевые действия на границах.

- Можно подумать, это и без того неясно, – пробурчал министр. Делегации послать дело нехитрое, а вот чтобы им поверили – тоже уйдёт не один день. Ведь если даже для нас этот временной провал стал шоком, то чего же ждать от местных, которые ещё и с литературой-то на эту тему ещё почти незнакомы.

Однако предмет ещё одних размышлений этого человека был весьма далёк от этой темы, а равно и от ближайших иностранных столиц. Министр вызвал к себе нескольких достаточно опытных сотрудников – в разных званиях, от капитана до полковника. Сначала он уточнил, как скоро они разберутся с текущими задачами и передадут дела сменщикам. Офицеры переглянулись, сразу почувствовав, что сейчас будет озвучено очень серьёзное задание.

Начальник спросил, как будто невпопад:

- Как вы думаете, если наша страна договорится с египетскими властями о сооружении Суэцкого канала, как отреагируют в Лондоне, Париже и в остальной Европе?

- Понятное дело, негативно.

- А если за это строительство возьмётся акционерная компания из США?

Офицеры переглянулись, не понимая, куда клонится разговор. Затем один из них всё же сказал:

- Ну, тоже недовольны будут, что не они держат это дело в своих руках. Однако затем смирятся со временем.

- В таком случае, - откинулся в кресле с загадочной улыбкой министр, - почему бы вам не стать главными акционерами этой компании?

Около минуты стояла тишина, пока люди свыкались с новой, неожиданной мыслью. Наконец, полковник проговорил, явно волнуясь:

- Но для этого понадобятся значительные суммы денег. Откуда мы их возьмём?

- Не беспокойтесь, всё уже предусмотрено. Ещё до вашего приезда туда – другая группа отправится в совершенно иную страну, в Западную Европу. Естественно, никаких связей с нашим ведомством – обычная внешняя торговля. Они продадут ткани, другие повседневные вещи. Выручку сдадут, как обычно. Потом эти деньги наши офицеры разменяют несколько раз в разных государствах, чтобы надёжно затереть следы. Наконец, передадут вам. Разумеется, весь чистый доход от последующей эксплуатации канала тоже будете передавать в союзный бюджет, не афишируя это.

- А если англичане, французы или сами американцы докопаются? Тогда международный скандал, а то и кризис, неминуем.

- И это учтено. Можно создать ещё один слой маскировки – найдите и завербуйте тех, через кого сможете рулить, не проявляясь открыто. В конце концов, вас этому учили. Естественно, начнётся активная фаза операции не сейчас, а через пару месяцев. Пока же – готовьтесь.

- Как именно?

- Изучайте «современный» английский и французский в совершенстве. Знакомьтесь с зарубежным законодательством, с судебной и деловой практикой в интересующей нас строительной и финансовой сфере – нужные материалы для вас подготовят. И так далее.

Внезапно один из офицеров спросил:

- А если англичане те же попробуют использовать «специалистов по организации неприятностей»? Они ведь на такие штуки мастера великие, когда юридически не подкопаться и предъявить официальные претензии нельзя.

У министра, как оказалось, был ответ и на этот вопрос подготовлен.

- Уже готовится к отправке за рубеж ещё человек тридцать – наших совместно с военной разведкой.

- Но тридцати человек не хватит...

- А они и не будут бегать с оружием сами. Их задача – для начала – найти какого-нибудь «делового» британца или француза, у которого дела идут неважно. И – сделать ему интересное предложение, «поменять профиль». Он будет набирать молодых крепких людей, потом их на нашей территории обучат, вооружат, снабдят амуницией и всем необходимым. Далее вы заключаете с ним договор, а он к вам этих «сторожей» и присылает.

- И в чём же интерес этого человека?

- Да хотя бы в том, что заказы у него будут всегда, независимо от состояния биржи. Ну и в том ещё, конечно, что такая охрана вообще нарасхват будет, конечно.

Один из офицеров заметил:

- Это получается весьма многообещающий инструмент, пригодный далеко не только «лоуренсов аравийских гонять», но и во многих других случаях.

- Вы всё поняли верно.

В тот же самый день и час, совещалось руководство военно-воздушных сил. Обсуждение начал командующий ВВС – и сразу с радостной для всех своих подчинённых новости:

- Как только что мне сообщили, принято принципиальное решение – не только не сокращать авиацию, но и совершенствовать её по мере сил. По крайней мере, к 1860 году на аэродромах появятся новые типы бомбардировщика, разведчика, транспортника и многоцелевого вертолёта, а к 1862 году перевооружение должно быть завершено.

- Мда, а я боялся, что наш род войск сочтут слишком дорогим и предпочтут обычные наземные силы, - протянул командир одной из авиадивизий.

- Наоборот, именно в этой необычной обстановке, когда нет никакого противодействия в воздухе – и не предвидится как минимум в ближайшие 20–30 лет, очень важно использовать этот инструмент со всей возможной энергией. Более того, указано, что истребительные подразделения даже сократят всего лишь вдвое, а интенсивность учебных полётов у них со следующего года вообще возрастет на 15%. Потому как нужно быть готовыми ко всему, вплоть до того, что противники создадут собственные воздушные силы раньше, чем мы рассчитываем.

- Или нас перешвырнёт туда, где без истребителей никак не обойтись будет, - вставил другой командир.

- И это, конечно, тоже.

Совещание продолжалось после этого уже в приподнятом настроении. Распределяли и тасовали – какие части куда перебросить. Размышляли, как организовать снабжение аэродромов в новых условиях. Увы, надвигалась серьёзная проблема – могло не хватить ряда запчастей (из-за отсутствия специальных сплавов и мест их производства), а также особых технических жидкостей. Химики уже приступили, конечно, к разработке аналогов, готовились предприятия, которые выпускали бы такую продукцию, но первые результаты ожидалось не раньше чем через 6–8 месяцев.

Командование армейской авиацией Воронежского военного округа предложило даже ввести поощрения для пилотов и техников, которые будут экономить эти ценнейшие ресурсы. Главком ВВС одобрил такую инициативу, но не преминул предупредить:

- Это ни в коем случае не должно снижать боеспособность частей и ухудшать безопасность полётов. Отвечаете головой.

Все понимали, что «ответ головой» никак не фигура речи, а самая прямая реальность.

Завершил обсуждение важных тем главнокомандующий новым заданием:

- Только что, как мне сообщили, сняты ограничения на разведывательные полёты за пределами советской территории. Более того, дано указание – произвести несколько демонстративных вылетов над близкими окрестностями Санкт-Петербурга – на небольших скоростях, на эшелонах 700–1000.

- Снижаться до километра и менее – чтобы всё это заметили? – догадались некоторые из присутствующих.

- Именно так. Уже в ближайшее время, как вы понимаете, до Зимнего докатятся сведения о том, что что-то не так. Наглядная демонстрация очень облегчит задачу собирающейся сейчас в дорогу делегации, позволит убедить, что мы не взбунтовавшиеся крепостные или кто там ещё, а действительно из 1949 года.

И уже вскоре, вечером 18 апреля 1854 года, над Петербургом, Ораниенбаумом, Петергофом, Гатчиной, Царским Селом и другими пунктами Санкт-Петербургской губернии, а также Новгородской, Псковской, Тверской губерниями – заметили необычные явления. Какие-то непонятные штуки, с рычанием и грохотом, пролетали в небесах. Ясно было только одно – это не воздушные шары, не птицы...

Появились было слухи о драконах, но продержались они очень недолго. Скоро стало известно, что ряд офицеров, да и иные наблюдатели, у кого оказались под рукой зрительные трубы, распознали явно механический облик мнимых «чудовищ» и характерный металлический блеск. Само собой явилось предположение весьма жуткое – что это какое-то новое британское оружие. Нашлись, правда, скептики, и не в таком уже малом числе, которые заявляли, что даже и англичанам не под силу построить такие штуки, добирающиеся, судя по направлению полёта, аж из Турции и с Балкан, или вообще из Персии с Индией. Однако сомнениям противопоставлялся зачастую неразрешимый для скептиков вопрос – что же это тогда такое?

Естественно, кроме предположения о драконах или английских происках, появились мгновенно и ряд других причудливых мнений, выглядевших более или менее обосновано. Так, некоторые люди объявили, что это какой-то особый род атмосферной иллюзии. Другие, и в первую очередь, медики, предполагали скорее массовое помешательство. Во врачебных кругах по этому поводу разгорелась даже ожесточённая дискуссия, и противники тезиса о психической аномалии выдвигали сразу четыре контраргумента:

- события начались резко и без явной причины;
- никаких других отклонений в поведении и суждениях «больных» нет;
- слишком уж много людей подвержено этому заблуждению;
- и, наконец, то, что «феномен» наблюдается даже через оптические приборы.

Но, разумеется, были в ту пору и те, кто не думал об англичанах, оптических иллюзиях или даже помрачениях ума. Им виделось в происходящем нечто гораздо более жуткое. Некоторые настойчиво повторяли, что «недаром началась война – то уже вышел конь рыжий, и всадник на нём уже снял мир с земли, чтобы убивали друг друга». А в московской Рогожской слободе некоторые проповедники зашли ещё дальше: они уверяли, что «то действительно был дракон – большой красный дракон с семью головами и десятью рогами», и что «в ближайшие ночи он, как и предсказано, увлечёт с неба третью часть звёзд и повергнет их на землю».

Естественно, при таких кривотолках начались кое-где сумятицы: отдельные люди – и даже в городах порой! – отказывались платить положенные сборы, подчиняться требованиям

установленных властей и проявлять к ним должное почтение. До того ли тут, когда весь мир летит в пропасть... Столь же естественно, что таковых стали водворять в каталажки и подвергать надлежащему наказанию шпицрутенами и батогами. Однако же главного – доискаться, откуда пошли ненужные странные речи – сбивающимся с ног полицейским удавалось далеко не всегда.

К прискорбию, даже и некоторые низшие чины полиции, а также отдельные служащие 12-14, а порой и более высоких классов, проявили в те часы и дни тоже изрядное легкомыслие. Оставляли они дела свои, покидали службу и уходили неведомо куда. Так, коллежского регистратора Елисеева – прежде добропорядочного и отличавшегося беспорочной службой жителя Замоскворечья – отыскали только спустя три месяца в каком-то староверском скиту в глухом уголке Тульской губернии. Долго потом судачили и о поступке драгунского подполковника Беклемишева, который вдруг решил, что ему снизошло откровение, позволяющее проповедовать совершенно новую веру.

Обо всём этом, правда, не знали ещё на территории СССР. Однако же резонно, пусть и по своим соображениям, решили вступать в контакт как можно быстрее. Ключевой довод был таков:

- Вот сейчас мы показали пролёт самолётов. Нужно пользоваться эффектом немедленно. А то, чего доброго, передаваемая конными курьерами весть о мнимом бунте опередит наше появление. Это было бы позором.

Потому – ещё не успела эскадрилья, посланная «обозначить присутствие», долететь до границы Санкт-Петербургской губернии, а на аэродроме в Шаршках уже раскручивали винты четыре Ли-2. Делегация отправлялась в рейс не с пустыми руками – в самолёты загрузили немало вещей. Там были и сборники документов по начавшейся только что войне, и небольшой мотоцикл с запасом бензина, и карманные фонари, и консервы, и другие интересные вещи.

Первоначально была мысль взять с собой побольше разного стрелкового оружия, чтобы продемонстрировать его. Однако консультанты из числа историков напрочь забраковали такую идею. Они настояли, что стоит брать не вооружение, а образцы парадной формы – именно то, что больше всего по вкусу императору. А пистолеты, винтовки и прочее создадут ненужный ореол воинственности.

Садиться перед самым дворцом – всё-таки не стали. Как заявил командир авиаполка, планировавший операцию:

- Зачем эти дешёвые цирковые эффекты? Садиться надо на ближайшей свободной площадке, а не рисковать угробить пилотов, пассажиров и сами машины.

Поэтому посадка производилась на Марсово поле. Его длины кое-как хватило, несмотря на весь опыт пилотов, чтобы от тормозиться при посадке. Солнце клонилось к закату, и тени уже начали удлиняться, когда машины снизились и выпустили шасси; как только первый самолёт оказался на высоте двадцати метров, в казармах расположенного рядом Павловского полка трубы запели боевую тревогу.

Солдаты окружили незнакомцев густой цепью – но держались на почтительном расстоянии, взяв всех вышедших из самолётов на прицел. Они ещё только успели выстроиться кое-как, а издалека, от Михайловского замка и из казарм на Фонтанке уже выдвигались спешно подкрепления. В это же самое время наблюдавшие необычное зрелище на расстоянии метров 700 офицеры поднимали тревогу и в самом Зимнем дворце.

Через пару минут по соединявшей дворец и Марсово поле Миллионной улице помчался всадник, которому поручили выяснить, что всё-таки происходит. Вслед за ним быстрым шагом выдвинулись ещё несколько караульных с той же целью. Прошло ещё около минуты, прежде чем торопившийся всадник остановился у самого оцепления и спешился; его конь раздражённо фыркнул, как всегда бывает после быстрого бега. В этот же самый момент другой всадник помчался куда-то вдаль – вероятно, чтобы привести ко дворцу ещё больше подкреплений.

... Переговоры проходили чрезвычайно тяжело. Причём, вопреки обычному положению вещей, основные трудности возникли даже не в самом начале, а ближе к середине. Сначала неизвестных нарушителей спокойствия хотели было отправить в Петропавловскую крепость, но обнаруженные при них вещественные доказательства и сами самолёты заставили изменить это решение.

Ошеломляющие известия о перемещении во времени огромной территории приняли не сразу. Гостей даже осматривал лейб-медик, который заключил, что они трезвы и вроде как не похожи на сумасшедших. Точку поставил полевой телефон, по которому два офицера Павловского полка – один на Марсовом поле, другой на входе во дворец – обменялись приветствиями. И всё было бы хорошо, но...

Всплыл – не мог не всплыть – июль 1918 года. Сразу после этого делегация на несколько дней осталась наедине с мелкими чиновниками министерства иностранных дел. И только 23 апреля – видимо, получив наконец доклады с мест и убедившись окончательно, что договариваться придётся – принимающая сторона вновь вернулась к диалогу.

Да, доклады с мест были получены. Но ещё более весомым фактором стала стремительно разгорающаяся – и притом в крайне неблагоприятном направлении движущаяся – война. Вместе с сообщениями Меншикова – всё это выглядело уже откровенно угрожающе. Потеря ряда южных губерний, Кавказа, Кубани, низовьев Волги и сама по себе могла стать катастрофой, а уж теперь-то и тем более. Ничего не оставалось, кроме как пытаться сократить ущерб и скорее возместить его.

А для этого требовалось – для начала – признать статус кво. В 18 часов вечера 23 апреля утвердили предварительные соглашения о пограничной линии и о взаимном признании. Вместе с тем, от полноценных посольских отношений Петербург корректно, но жёстко уклонился, ограничившись пока обменом единственными представителями и их помощниками.

- Как-то пришла мне в голову одна мысль, – заметил в беседе среди своих один из делегатов. – Выглядит это крайне неприятно: свалились из ниоткуда, покорёжили и обкорнали страну, подрываем самим присутствием её обороноспособность.

- Да, поддержал его другой. Сколько тех же рекрутов теперь не будет набрано в войска, сколько важнейших сельскохозяйственных угодий они потеряли. Но ничего поделать с этим мы, увы, не могли бы при всём желании.

К огромному облегчению всех сколько-то видных сановников, никаких особенно радикальных требований на переговорах не прозвучало. Более того, делегаты согласились обеспечить снабжение действующей армии и пропускать маршевые части через свою территорию. С точки зрения официального Петербурга, это был громадный дипломатический успех и прорыв изоляции. А в аристократических салонах даже заговорили о том, что всё, на самом деле, не так уж и плохо идёт. Высказывалась надежда, что удастся со временем побудить неожиданных визитёров перейти от умеренно-доброжелательного нейтралитета к более активной позиции. Одни перебирали возможных кандидатов в послы, которые могли бы добиться этого, а другие и вовсе порывались сами броситься и «открыть глаза на подлое коварство врагов и бескрайние мучения балканских славян».

Однако наиболее дальновидные и сообразительные – те, кто были в курсе всех подробностей, а не только самых общих слов и отдельных обрывков информации – понимали отчётливо, какой вихрь испытаний ждёт Российскую империю в самое ближайшее время. Единственная надежда высокопоставленных военных теперь была связана исключительно с «аджарским вопросом».

- Турки обязательно пожалуются, что «эти» их землю оттяпали. Джоны и Жаки сгоряча кинутся вперёд и будут, конечно, побиты. А уж самих турков как-нибудь побьём, всегда ведь громили.

И только некоторые высказывали резонное опасение:

- Так ведь в Европе сразу в столь невероятное известие не поверят. Нас же и обвинят в случившемся, конечно.

Только во второй половине дня 24 апреля, после долгих согласований и совещаний, наконец, появилась окончательная редакция высочайшего манифеста. В нём кратко и необычно для таких документов сухо констатировалось сложившееся положение дел. И – выражалась уверенность в том, что все подданные как один, стойко и нерушимо, будут противодействовать любым враждебным проискам. Завершался документ вполне традиционно – упованием на высшую милость.

Около трёх часов пополудни запрошенные доставленным на грузовиках топливом самолёты отправились в обратный путь. Почти весь груз остался в Петербурге, а на юг, кроме основной части делегации и официального имперского представителя, вылетели ещё и несколько офицеров – с заданием лично ознакомиться с армией и флотом непрошенных гостей, чтобы составить о них непредвзятое впечатление, хотя бы самое общее.

Тем временем, 23–25 апреля до европейских столиц добрались, наконец, первые смутные известия о «захвате Аджарии». Никто не сомневался, ни военные, ни журналисты, ни светская публика, кто именно тому виной.

- Мало им показалось Дунайских княжеств, шипели повсюду. Теперь уже и за саму Турцию принялись. Вот и вся цена уверениям в своих благих намерениях!

Даже когда 25–27 апреля 1854 года пришли дополнительные подробности произошедшего – несколько быстроходных парусников доставили новые сведения и отчёты турецкого командования, уверенность только окрепла.

- Действуют, значит, под откровенно фальшивым, никогда не существовавшим флагом, - судачила публика. – Вот это вся низость византийского коварства!

А между тем, как только на севере забрезжили хоть какие-то контуры соглашения, 24 апреля утром советская делегация вылетела из Кутаиси в Стамбул. Там реакция на появление неведомых летающих машин поначалу соответствовала петербургской. Однако, как только диван убедился – окончательно и неоспоримо – к вечеру того же дня, что всё сообщённое является истиной, как настроение из настороженно-тревожного сразу стало откровенно враждебным.

Естественно, обо всём этом, о деталях переговоров даже – немедленно узнал британский посол Каннинг. Он и стал первым англичанином, которому довелось вживую увидеть новых визитёров, и даже недолго побеседовать с ними, хотя так толком ничего и не понял. Затем посол сразу заверил Решид-пашу, что Турция сможет по-прежнему рассчитывать на всемерную английскую поддержку, и немедленно кинулся строчить объёмное сообщение в Лондон. В нём уже содержалась чуть более близкая к реальности версия происходящего.

«Санкт-Петербург от отчаяния сделал ставку на особо яростных чартистов своих. Те изобрели какие-то летающие штуки в глубокой тайне, и теперь пытаются ими нас и турок запугать».

Хотя делегация и не могла знать, что именно сообщат европейские послы в свои столицы, но провал переговоров был налицо, и как раз это беспокоило больше всего. Ведь как раз мирное урегулирование конфликта являлось основной целью, однако надежды на посредничество почти растаяли.

- Что ж, - заметил один из дипломатов, усаживаясь в кресло самолёта. – Раз не удалось договориться с османами, может быть, хотя бы их покровители окажутся понятливее и сговорчивее...

- Маловероятно, - ответил его собеседник, пристёгиваясь. – Но попробовать, думаю, всё же стоит.

Обратный полёт проходил без происшествий. Однако по прилёту в Батуми делегацию ждал сюрприз. Ещё с воздуха они заметили, что периметр морского порта оцеплен, в нём

стоят два пограничных катера, издалека полным ходом приближается военный корабль. А в гавани качается на волнах парусник под французским флагом, по палубе которого расхаживают сотрудники милиции.

Как выяснилось, получившие уведомление о «вторжении» адмиралы союзников отправили пару кораблей обстрелять «этих вконец обнаглевших русских». Поэтому-то один парусник и был захвачен, а второй, как оказалось, затоплен.

- Сейчас поднимать готовимся, отметил комендант района. Нельзя никак такой «подарочек» на рейде оставлять. Все суда днище перепортят.

Это событие вызвало оживлённые разговоры среди делегатов – сразу как только они сели в поезд «Батуми – Ростов».

- Интересно, отдадут ли парусник обратно французам?

- Чтобы его отдать, нужно сначала с самой Францией контакт найти. А она-то, как известно, настроена особо непримиримо как раз, и желает именно что войны.

- Не надо важничать, ключевую работу о нынешней дипломатии не вы один проштудировали перед поездкой. Я тоже знаю, что Наполеону III ах как важно подкрепить свой авторитет хоть каким-то успехом. Вопрос в том, что нашей стране с этим всем делать?

- Известно что, для начала полностью раскрыть себя как есть. Один раз уже помогло же?

- Ну, Санкт-Петербург мы просто поставили перед фактом. Да и, в отличие от него, Париж, Лондон, Берлин и прочие – не находятся отнюдь в отчаянном положении. Более того, сама коалиция сейчас как раз чувствует себя окрылённой, и просто так её не пронять.

Глава 4. Кулисы подняты, а зрители свистят

Суб-лейтенант Жан Лефевр считал себя очень отважным моряком – и, надо признать, не без оснований. Уже десятки раз он бывал в штормах, бывал и на Мадагаскаре, и на Цейлоне. Сейчас же артиллерист пребывал в откровенно смятенном расположении духа. Начиналось-то всё весьма здорово, даже прекрасно!

Лефевр помнил, как блестяще – вместе с остальными – выполнял приказ императора о переходе из Тулона в Архипелаг. Как потом одно появление кораблей союзных флотов вызвало у врага приступ паники, и только что одержавшая блистательную, надо признать, победу над османским флотом эскадра повела себя, как перепуганная лисой курица, спрятавшись в гавани. Конечно, ощущать себя в такой ситуации той самой лисой приятно... но как же тогда проявить свою боевую натуру?

Поэтому суб-лейтенант даже с радостью воспринял известие о внезапном нападении русской армии на какую-то провинцию Adjaria. «Ну и словечки у этих турок, все зубы вывихнешь, пока выговоришь», подумал он. В то, что угроза сколько-то серьёзна, Жан не верил. Да, он понимал – турецкое войско однозначно слабее, и в бою один на один неизбежно проиграет, но ведь именно затем флот сюда и явился, чтобы показать, кто устанавливает правила.

Во время похода, впрочем, думать о предстоящем столкновении Лефевр не стал. Есть ведь и гораздо более приятные мысли: о своём доме, о пропавших полыню и залитых солнцем прованских равнинах, ну и о прочем таком же. Именно такие размышления и согревали его, что было очень даже кстати. Ведь в этом Чёрном море конец апреля – как середина марта в Марселе...

В тот день внезапно спокойное настроение улетучилось в один момент – как только вперёдсмотрящий закричал:

- Пароходы по курсу!

Однако практически сразу же стало понятно – это если и пароходы, то очень странные.

- Где же труба? – вопрошали друг друга напрасно офицеры.

Ответа не было. Более того, никому не удалось даже приблизительно определить вид приближающихся кораблей! Ничего удивительного в этом не было: не могли же сколь угодно толковые французские моряки ранее знать про бронекатера серии МБК...

Но не только в самом виде кораблей было дело. Лефевра, как старшего по артиллерии, капитан спросил:

- Что это за пушки у них?

Жан и сам охотно схватил подзорную трубу, затем около минуты разглядывал палубу ближайшего неизвестного корабля. Потом столько же всматривался в другой. Наконец, вынес свой вердикт:

- По пять орудий на каждом. Причём одно из этих пяти орудий – довольно крупного калибра и может быть очень неприятным, если за ним встанет хороший расчёт. Да, есть ещё по два больших толстых ружья, закреплённых зачем-то (так Лефевр обозначил пулемёты калибра 12,7 мм).

Капитан, взяв подзорную трубу сам, навёл её на наибольшее увеличение, и затем пробормотал:

- Гм, о такой морской форме я даже и не слышал.

В попытке понять, кто же перед ними, все устремили взгляды на флагшток – свой последний шанс. Но и там ждала неудача.

- Что за ерунда?

Старший помощник секунд двадцать морщил лоб, затем неуверенно изрёк:

- Может быть, это корабль какой-то кузнечной гильдии?

Капитан решительно отверг такую версию:

- Где это видано, чтобы кузнечная гильдия владела боевым флотом? И да, если так... Он поднял опять трубу. – То она бы иначе себя обозначила. Цвет, понятное дело, подходит – как раскалённый горн. Но вот сам герб должен быть развёрнут на 90 градусов, чтобы была видна самаковка. Да и про наковальню забыли отчего-то.

Внезапно с расположенного впереди корабля прозвучала очень громкая речь:

- Внимание! Вы незаконно пересекли государственную границу! Немедленно покиньте наши территориальные воды или следуйте за нами в ближайший порт!

Эти фразы прозвучали сначала на французском – причём все офицеры позднее вспомнили, что краем сознания зацепили какие-то мелкие неправильности произношения – а затем на английском.

Однако в тот момент все, конечно, сосредоточились на самом смысле того, что было им сказано. Точку в попытках разобраться вполне закономерно поставил капитан Френель:

- Адмирал Гамлэн ясно сказал мне перед отправкой, что ближайший берег захвачен армией императора всероссийского. Мы находимся с ним в состоянии войны. Да, у врага два корабля, а у нас один. Да, неприятельские моряки одеты непонятно как. Но всё это уловка, чтобы сбить нас с толку! На этих пароходах – десять орудий, а у нас – двадцать четыре. Слава императору! К бою!

- Слава императору! – взревели разбегающиеся по своим местам моряки.

Неизвестные, между тем, ничего не предпринимали, даже не маневрировали, хотя и находились на опасно близком расстоянии. Правда, их матросы, как заметил мельком капитан Френель, тоже готовились к бою, но это только раззадорило французов.

- Поздно спохватились! Сейчас мы их к Нептуну отправим!

Навели орудия чётко, как на параде, удивляясь, что противник не сделал ещё ни одного выстрела. Впрочем, результат первого же залпа обескуражил. Напрасно Лефевр и Френель с помощником обшаривали взглядом борта неизвестного корабля. На них появились после удара ядрами только едва заметные царапины, хотя должны были быть – глубокие проломы.

В ответ, наконец, загрохотали вражеские пушки – всего лишь с одного корабля, и притом наименьшего калибра. (Это были 37-миллиметровые зенитные автоматы 61-К, наскоро переведённые в режим стрельбы по наземным целям). Удары слились в одно непрерывное стак-

като, но на палубе никто не пострадал – все выстрелы пришлись в борт. Лефевр ошеломлённо подумал:

«Эти пушки стреляют так быстро, словно внутри каждой спрятана крупная эскадра».

Но следом его мысли прервали вопли вылезших из трюма:

- Полундра! У нас полно раненых! Борт как дуршлаг!

Капитан Френель опешил, кинулся было проверять в трюм, но там уже хлестала вовсю вода из дырок, а навстречу поднимался поток раненых – кто ещё мог это сделать. Ничего не оставалось, кроме как спешно, лихорадочно поднять белый флаг. Дальнейшее слилось для моряков в какой-то калейдоскоп картинок – как перекинутые насосы начинают откачивать воду, а снаружи подводят пластырь. Как неизвестные разоружают их. Как парусник буксируют в порт. Причём сам порт по прибытии стал окончательным ударом – ни где-либо в Европе или Азии, ни на российских и турецких берегах они не видели ничего даже близко подобного.

Ну а что же ждало второй парусник? Как уже известно, он будет потоплен... но обо всём порядку.

Когда пришло известие о новом наступлении русских войск, вместе с Френелем вызвался идти в показательный рейд и капитан Джосайя Уорд. Он не мог не воспользоваться таким случаем, потому что где это видано, чтобы гордый бритт не поспешил бы разделить честь важного мероприятия с лукавым французом? Да и демонстрация силы Королевского флота для временного союзника – явно не лишняя.

Правда, корабль Уорда не мог похвастаться той же скоростью, как корабль Френеля – но зато и орудий на нём было гораздо больше, целых пятьдесят пять штук. Поэтому англичанин твёрдо решил: независимо от того, что сделает французский капитан, он, Уорд, устроит в захваченном порту решительный разгром!

Может возникнуть вопрос – как же ему всё-таки посчастливилось прорваться в акваторию Батумского порта вообще? Дело в том, что, несмотря на всё техническое превосходство перенесённой территории, сколько-то значимых военно-морских сил (не только боевых, но и патрульных) оказалось очень немного, поскольку основная черноморская база флота осталась в 1949 году. Отчасти выручала авиация, конечно, но и её возможности были ограничены. А длина побережья – огромна. И, по мнению командования, основные удары флота коалиции должны были быть направлены гораздо севернее – против Таманского полуострова и восточного берега Азовского моря. Поэтому на юге остались лишь слабейшие и сильно рассредоточенные второстепенные части ВМФ. Сочли, что одиночный рейдер или разведчик смогут отогнать и обычные пограничные катера.

Ну а почему же сам Уорд ничего не заподозрил, пока не стало слишком поздно? А он пришёл на рейд Батуми рано утром, когда над гаванью и берегом ещё не успел рассеяться туман. В его разрывах капитан заметил только какие-то силуэты кораблей и береговых строений. И – немедленно приказал открыть огонь по всем обнаруженным целям.

Неожиданно начавшаяся стрельба оказалась почти вся малоэффективна – потому как велась именно что при плохой видимости и по площадям. Но почти – не значит совсем. Наряду с ядрами, летевшими «в молоко» или причинявшими ничтожный ущерб второстепенным постройкам, был и «золотой выстрел». Одно из калёных ядер угодило в нефтехранилище, и оно (не ядро, хранилище, конечно же), почти мгновенно запылало. В сочетании с начавшим уже откровенно припекать солнцем жар разгорающегося пламени помог разогнать туман быстрее.

Но смотреть на детали открывшейся картины Уорд и его подчинённые не могли, вернее, их заинтересовало совсем иное – откуда вдруг начали бить по ним с берега орудия какого-то совершенно немилосердного калибра? По всем понятиям, после таких выстрелов чуть ли не половину побережья должно было скрыть облако дыма, но ничего подобного и близко не

наблюдалось. Впрочем, размышлять об этом британскому капитану долго не пришлось – уже четвёртый выстрел оказался для его парусника и значительной части команды роковым.

Когда подошли спешно выдвинувшиеся из порта катера, над водой кое-как оставалась в лучшем случае треть экипажа. Потому как взмах плетью был гораздо более привычным занятием для английского морского офицера, нежели обучение своих подчинённых плаванию и другим всяким навыкам. Сам Уорд каким-то чудом тоже уцелел, и даже не был ранен. Всё время, свободное от допросов, он проводил, отвернувшись к стене.

Тем временем в Санкт-Петербурге созрело – к 28 апреля – решение оставить Дунайские княжества. Об этом уже через полтора часа после сообщения официальному представителю через МИД знали уже, конечно, и в Ростове. Такое сообщение вызвало вполне закономерную реакцию:

- Всё начинает меняться.

И в самом деле, по любым известным материалам выходило, что вывод войск из княжеств должен был быть произойти только 20 июня 1854 года! А теперь – в представительстве были переданы сразу два официальных документа исключительной важности. Первый – это собственно нота, предлагавшая «сменить уходящие войска, не дожидаясь их вытеснения австрийцами». Второй – приказ для самого Паскевича, который, согласно прилагавшейся к нему записке, считали желательным передать «вашим быстрым воздушным способом». Естественно, лично в руки, в оригинале, чтобы не было никаких сомнений.

На немедленно начавшемся заседании правительства сразу пришли к выводу, что Николай решил воспользоваться нейтральным посредничеством, чтобы избежать критической фазы войны, уйти от самой главной опасности. Оставалось решить, что же делать дальше.

- Похоже, наступает пора показаться открыто и в Европе, заключил один из министров. – Иначе как же мы можем попробовать стать таким посредником, если нас там вообще не знают?

- Что ж, – в тон ему ответил другой – рано или поздно пришлось бы всё равно выступить явно. И сейчас – наиболее удачные обстоятельства.

Между прочим, императорский манифест, утверждённый 24 апреля, в тот же день – по аналогичной просьбе – доставили в Ригу, Варшаву, Минск и Киев по воздуху. Всё равно туда отправлялись самолёты – с заранее согласованными консульскими миссиями – так почему бы не воспользоваться этим было? Но в сопредельных странах об этом всё ещё не знали, и потому необычайно быстро полученный в Пруссии текст манифеста сочли сначала какой-то грандиозной фальсификацией или дипломатической игрой. И только 26 апреля, когда картина с «захватом» части Турции стала более явной, решились передать его по телеграфу в другие европейские столицы – просто повторив, и отметив, что «это непонятно что значит, но может быть довольно важно».

Однако и 27, и 28 апреля как правительства, так и публика в Париже и Лондоне пребывали ещё в полном неведении. Экстренные письма, отправленные британским послом Каннингом и его французским коллегой 24 апреля, всё ещё ехали на конных повозках по Балканам. Поэтому от «дурацких сказок» попросту отмахнулись.

А вот в Петербурге изрядная часть славянофильских кругов была просто взбешена новостью об уходе с Дуная. Начались разговоры о вялости и нерешительности правительства, о том, что следовало бы гораздо быстрее и сильнее взяться, напротив, за решение турецкого вопроса. И именно тот факт, что внезапно объявился, да ещё и на коренных имперских землях, сосед крайне неблагоприятного для славянофилов свойства, побуждал как раз действовать максимально интенсивно. Логика выглядела простой: «если туда не продвинемся мы, туда продвинулись они, и тогда перспективы нашего дела окончательно рухнут». И, добавляли некоторые более сообразительные – именно сейчас турки и западные европейцы окажутся отвлечены вскоре, так почему бы не проверить в это время интересную комбинацию?

Тем временем, наиболее спокойно и эффективно среди прочих заработало в конце апреля официальное советское представительство в Тегеране. Там восприняли неожиданные новости по другую сторону границы, конечно, с долей священного ужаса – но раз ничего поделить с этим всё равно было невозможно, оставалось лишь смириться с реальностью, и – присматриваться к неожиданному посольству. Так как его линия была спокойная и уверенная, вскоре персы выдохнули с облегчением, поскольку могли теперь не опасаться завоевательных планов.

Через Тегеран была предпринята ещё одна попытка косвенно прозондировать турецкую позицию. Однако же диван и султан, подталкиваемые всё тем же Каннингом, продолжали проявлять неуступчивость и не желали даже вступать в переговоры. Только в окраинных военных гарнизонах и среди их командиров проявилось смятение, случившееся из-за неудачных попыток «наката» на границу и их закономерных последствий.

Надо заметить, что британский посол в Персии оказался более осторожен и внимателен, чем британский посол в Турции. Он провёл несколько встреч с новыми представителями, аккуратно записал всё узнанное, хотя и оставил ряд пометок про сомнительные, по его мнению, вещи, и – отослал всё это срочной депешей. А особо он подчеркнул усилия по прекращению рабовладельческих набегов на черноморское побережье, которые уже фактически поставили такую преступную деятельность на паузу. Хотя и не до конца, к сожалению – всё-таки сказывалась ещё ограниченность военных сил на этом направлении. И, увы, около трёх десятков мирных жителей перенесённой территории в первые самые заполошные дни всё-таки были успешно похищены и доставлены на турецкие базары.

Естественно, предпринимались все возможные усилия для розыска и освобождения украденных. Однако действовать официальным порядком по понятным причинам было невозможно, а проводить масштабные войсковые операции на турецкой территории – значило подорвать всякую надежду на статус нейтральной державы и тем более миротворца. Удалось до конца апреля организовать всего две операции, в результате которых полевые разведгруппы освободили четырёх человек; результат мог бы оказаться куда лучше, если бы агентурная разведка наладила уже свою деятельность в обычном объёме, но до этого было ещё далеко.

Конечно, о таких вылазках британскому послу в Персии никто сообщать не стал, но уже и доведённых до него сведений об усиленном патрулировании прибрежной зоны, о комендантском часе и даже вынужденном временном отселении ряда небольших приморских деревень вполне хватало, чтобы оценить всю серьёзность намерений.

Но, помимо вопросов безопасности, в СССР решали и ряд иных проблем, подчас довольно неожиданных. Так, 28–29 апреля почти везде обсуждалось, проводить ли вскоре обычные праздничные мероприятия, или нет. Победила в итоге точка зрения, что их обязательно нужно организовать. Лишь в населённых пунктах вдоль Черноморского побережья пришлось усилить меры безопасности, а в остальном всё оставалось точно так же, как и прежде.

Вот и в ставшем теперь приграничным даже селении Шаршки усиленно готовились. Особенно бурную энергию проявлял директор местной школы Сергей Филимонов – человек, который пользовался неизменным уважением во всей округе. И вышло именно так, что как раз во многом из-за его усилий заглянувший было в эту деревню Константин Аксаков укатил оттуда в состоянии глубокой подавленности.

Незадолго до этого вышел острый спор, предметом которого была – устойчивость предполагаемых коренных свойств, той самой «народности». Константин отстаивал как раз ту точку зрения, что «никакие мудрствования теоретиков и прочее насилие над жизнью не переломят её». И, чтобы лично убедиться в этом, отправился в поездку, специально выбрав маршрут по небольшим, тихим сёлам, где исконная цельность должна была сохраниться особенно нерушимо. И надо было такому случиться, что его приезд в Шаршки пришёлся как раз на утро первого числа.

Впрочем, в школах и других учебных заведениях было и немало иных забот, помимо подготовки и проведения праздников. Тому же Филимонову, как и многим тысячам других директоров и педагогов вообще, приходилось экстренно перекраивать учебные планы. Решили, конечно, в общем виде разумно – продолжать занятия до 25 мая, а потом, с приходом осени, открыть уже обычный учебный год. Но при конкретной реализации этого намерения на местах возникало множество вопросов – как перераспределить нагрузку, как скорректировать графики занятий, чтобы уложиться в срок и при этом соблюсти целостность программы, не рвать разделы учебной подготовки без необходимости.

При этом ещё и сама программа в предстоящем 1854/1855 учебном году должна была претерпеть некоторые изменения. Так, учебные пособия в части политической географии, конечно же, пришлось резко скорректировать, поскольку зарубежные страны были уже «совсем не те». А для тех, кто собирался уехать в соседние страны после обучения, вводились факультативы по их укладу и порядкам.

29 апреля, около полудня.

Фельдмаршал Паскевич с глубокой неприязнью смотрел на прибывших к нему людей. И только одно удерживало его от решения – швырнуть их под арест и забыть об этих смрадных словесах навсегда. Да, только одно – прямое указание сверху предотвратило такой исход. До опытного военачальника и раньше доходили отдельные слухи, что на востоке и северо-востоке дела обстоят неладно. Первоначально в Дунайской армии в эти рассказы не верили, считая их досужими сплетнями, вот только количество фактов всё умножалось. Уже несколько дней как поступили и вполне официальные подтверждения – когда неоднократные попытки посланцев Меншикова обнаружили, что это не причудливые слухи.

И если и была вещь, которая хотя бы отчасти примиряла стратега с его посетителями, то это – только их предложение скорее уйти и не злить более Австрию. Те же мысли уже довольно давно преследовали и самого Паскевича, и теперь он надеялся, что ещё не поздно, что удастся избежать закладки роковой коалиции.

Так или иначе, но войска Российской империи уходили из этих земель. Вместо них пришли другие – согласно принятому в Ростове решению, должны стать миротворцами. И вот это-то и вызвало самые разные рассуждения среди местных жителей и турок. Если первые просто опасались поначалу совершенно неизвестных военных – как-то они ещё себя поведут – то вот вторые оказались попросту взбешены. Причём страсти кипели гораздо больше даже не среди командования, а скорее среди большинства османского войска. В нём пересказывали множество диких и неправдоподобных утверждений, приводить которые смысла нет совершенно. Однако же самой распространённой версией явилось то, что «враг, отчаявшись крайне плохими для себя событиями, призвал к себе на помощь силы самого ада».

Но, естественно, на расстоянии, из основных европейских центров, всё это виделось совершенно иначе, чем на месте – или даже в Стамбуле и тыловых турецких гарнизонах. Там привыкли уповать на силу фунта и франка, на свои пушки, ружья и пароходы. Всё остальное – вздор. Показательна в этом плане статья, опубликованная 30 апреля 1854 года в одной из французских газет:

«Враг получил уже тяжкий удар, как только явились наши корабли на защиту унижаемой и раздираемой на части Турции. В одно мгновение рухнул морок мнимого всемогущества державы, столько лет нависавший над всей Европой. Долго, очень долго существовало это пагубное заблуждение – поддерживавшееся не только легендами о былых победах, но и деньгами, щедро сыпавшимися в карманы разных клеветов, распространявших ложные убеждения повсюду. Стоило же грянуть грому, как все эти наёмные певцы российского императора в одночасье смолкли, и даже в гостиных и салонах не слышно уже речей, внушённых петербургской канцелярией.

В отчаянной попытке спастись, неприятель выдвинул уже совершенно фантазмагори-ческие бредни и слухи. Некоторое количество легковверных людей подпало под это влияние опять. Говорят про каких-то республиканцев, служащих Николаю, создавших для него необык-новенно мощное и крепкое войско...

Однако даже в Англии, столь долгое время обманываемой русскими, подпадавшей под их влияние временами – чего стоит хотя бы пагубное участие в Наваринском морском бою – здравые умы стряхнули с себя паутину заблуждений. Даже в Австрии и Пруссии, которые казались уже практически провинциями России, судя по их политике, отшатнулись от неё и признали: дальше смиряться с грозной опасностью нельзя. Попытки о чём-либо договориться, которыми привыкла заниматься европейская дипломатия, разбились вдребезги.

Да, они разбились, не выдержав столкновения с бескрайними притязаниями Санкт-петер-бургского двора. На опыте убедились мы – даже заняв какую-то одну землю или город, не переставали там косить жадным глазом на следующий, потом ещё и ещё. Пора положить этому конец. И пусть какие угодно армии меняет это правительство, пусть как угодно переодевает своих солдат, уже только самые глупые поверят в этот спектакль. Довольно!»

Глава 5. Пора открываться

Вместе с тем, в той же Англии и Франции были люди, способные пойти дальше, чем просто написать газетную статью. Это были, естественно, военные этих государств. И ещё 25 апреля 1854 года, как только растущая угроза для Турции, по их представлениям, стала осо-бенно острой, решило командование обеих государств – немедленно принять меры. Началось ускорение военных приготовлений, поскольку, раз «противник уже вторгся на коренную турец-кую территорию», значит, пора вмешиваться активнее. И вот уже 30 апреля того же года авиа-разведчик, вылетевший из окрестностей дунайского русла, сообщил о появлении трёх военных пароходов в Эгейском море: они явно торопились доставить какие-то грузы, а возможно, и солдат.

Само по себе это не было очень грозным признаком. Но вместе с другими обстоятель-ствами ситуация выглядела куда как более неприятной. Например, в тот же самый день, 30 апреля, было замечено движение австрийских войск к юго-восточной границе, а только что полученные из той же Австрии сведения (газетные статьи и частные письма от влиятельных лиц), показали, что эта страна отчётливо склоняется в сторону поддержки англо-французского блока. И – делает это тем энергичнее, чем шире становятся сведения о продвижении мнимых русских войск.

Но ещё хуже ситуация стала выглядеть через двое суток. 2 мая 1854 года границу пере-секла новая австрийская корреспонденция. Там – уже в газетной публикации – говорилось о принятии Веной всех ключевых условий, которые Франция видела как основу для будущего мирного договора. А именно: выдвигалось требование полностью очистить Молдавию и Вала-хию, передать контроль над ней коалиции великих держав, обеспечить свободу судоходства на Дунае, сделать покровительство христианским подданным султана «общим европейским делом, а не привилегией отдельной страны», а также – полная свобода прохода как мирных, так и военных судов через черноморские проливы. Иначе говоря, становилось вполне ясно, что события катятся по уже хорошо знакомой траектории. Пройдёт несколько недель, и союз-ные войска из Галлиполи начнут перебрасывать в Варну, а адмирал Непир станет производить нападения на разные балтийские форты.

Вечером 2 мая из Воронежа выехала на запад целая вереница грузовиков. Она добралась до австрийской границы около 18 часов 5 мая, и пересекла её на удивление легко. Пограничная охрана своими глазами убедилась, что перед ней, во всяком случае, не какой-то фокус или ловкий обман. На всём пути до Вены – куда машины прибыли около полудня 6 мая 1854 года – их движение приходилось поддерживать, доставляя горючее и другие необходимые средства по воздуху.

И на окраине австрийской столицы развернулась наглядная демонстрация. Первоначально мало кто верил в подобное, многие ехали и шли, чтобы «опровергнуть мистификацию». Но потом, в следующие 5 дней, поток посетителей всё возрастал.

Там не было боевой техники или оружия, но уже и то, что имелось, поражало не в меньшей степени. Жужжали различные станки. Экскаваторы – обычные и шагающие – ковыряли землю. Копры забивали сваи. Катки – выравнивали площадку и покрывали её асфальтом. И это была – только одна половина экспозиции.

На другой половине расположились макеты зданий. Впрочем, некоторые из них приходилось подвозить вновь и вновь, потому что они были предназначены не для показа архитектуры, а для наглядной демонстрации работы пожарных расчётов и различных единиц спецтехники. Далее толпа не знала, куда идти. Всем хотелось побывать и на площадке, где делают моментальные фотографии. И там, где раз в полчаса каждый желающий мог услышать граммофон или посмотреть на стенды с видами различных городов. Или поучаствовать в коротком сеансе радиосвязи. Или просто получить порцию газированной воды.

Такая программа сложилась как-то сама собой. Впоследствии, когда пытались разобраться, кто именно был её инициатором в большей степени, так это выяснить и не удалось. Что-то предложили инженеры, что-то – военные и... в итоге получилось то, что получилось. Однако же самое главное – результат был налицо. Жители Вены и её окрестностей оказались не просто впечатлены; рухнула выстраиваемая очень тщательно и казавшаяся непроницаемой информационная картина. Более того, когда корреспонденты французских и британских газет, прочие приезжие из стран Западной Европы – вновь попробовали «открыть глаза наивным и одураченным», им просто показывали эту самую выставку. А потом, когда она 11 мая 1854 года уехала, то демонстрировали уже лишь её материальные следы – выработанные на станках детали, фотоснимки и другие вещи.

Также важной деталью стала, ни много ни мало, сама организация радиообщения. Для неё отбирали людей, безусловно знающих немецкий, в самых разных областях и городах страны – от севера, где находились кусочки бывшей Липецкой области, до сёл вдоль турецкой и персидской границы. Затем они в условленный день и час включились в сеанс радиосвязи, руководствуясь напоминаниями, развешанными на стенах повсюду. Там говорилось о многом, даже о том, как начинать и заканчивать разговор. Так появился первый (пусть и недолго работавший) контакт-центр, когда это ещё не было мейнстримом...

Выставка не уехала назад, как можно было бы подумать. Наоборот, она отправилась дальше – сначала в Мюнхен, затем в Кёльн. А из Кёльна – уже 24 мая 1854 года переместилась... нет, не в Париж и не в Лондон, конечно. Обе эти столицы хранили попросту гробовое молчание, пытаясь разобраться, что же им делать дальше. Экспозиция 26 мая 1854 года открылась в Брюсселе, и к тому моменту она приняла характер более упорядоченный и системный, утратив первичный налёт непосредственности. Но надо признать, что во многом это пошло на пользу. Благодаря подключению различных ведомств, проектных и научных организаций, крупных предприятий – состав экспозиции значительно расширился, стал куда более представительным.

Например, если в Вене демонстрировались всего семь моделей станков, то в Брюсселе можно было ознакомиться с различными вариантами обработки металла – шлифовкой, фрезеровкой, паянием. Демонстрировались и сварочные системы – как газовые, так и электрические; ради работы последних, да и многих других устройств, пришлось подвезти немало дизель-генераторов и топлива для них. Кстати, чтобы меньше возить дизельное горючее и больше – вещей более практических, предназначенных для демонстрации, пришлось даже поставить ряд ветряков; заодно – от них протянули миниатюрную линию электропередач длиной около полутора километров. Конечно, же всех сколько-нибудь подкованных технически или могущих принимать решения посетителей предупреждали, что этот способ генерации имеет крайне

низкую продуктивность и подходит только для совершенно особых условий, когда другие варианты выработки электричества невозможны или очень затруднены. Возвращаясь к промышленному оборудованию, стоит отметить, что не только металлообработка была представлена на выставке. Там нашлось место и для приспособлений, обрабатывающих древесину, и для камнерезной аппаратуры.

По какой-то не вполне понятной причине, даже те, кто были равнодушны ко всякого рода индустриальной технике, не упускали случая посмотреть на работу промышленного вентилятора. Сразу вслед за «крупнопромышленным» участком начинался блок, отведённый для легковых автомобилей, мотоциклов, грузовиков и специальной техники. Всё это не просто стояло, но иногда и ездило, хотя ради каждого такого выезда приходилось чуть ли не упрашивать сгрудившуюся публику отступить назад и освободить пространство. Ни разу, конечно, не оставались пустыми и трамваи, которые пускали по наспех оборудованному 400-метровому кольцу.

Впрочем, соперничать по популярности с трамвайным кольцом вполне мог следующий блок экспозиции. Там около холодильников даже пришлось выставить вооружённую охрану, чтобы их не держали открытыми постоянно. Отвлёкшиеся от этого места или обошедшие его стороной оказывались далее в двух открытых кинозалах.

Кое-что пришлось воссоздавать исключительно в виде макетов, конечно. Например, недавно выстроенные жилые районы или плавильные печи. Но несколько железнодорожных вагонов – купейный, цистерну, рефрижератор и даже паровоз каким-то чудом, вернее, совершенно невероятными усилиями, доставили. Хотя они лишь стояли на месте, но всё-таки тоже не были обойдены вниманием.

Наконец, уставшие от чрезмерного шока зрители оказывались в ещё одном сегменте выставки. Там демонстрировались вещи гораздо более спокойные, надо сказать – и поэтому не такая уж малая часть степенной публики предпочла именно их. Например, можно было посмотреть на различные растения новейших сортов (и даже попробовать их плоды). Чуть далее демонстрировались ранее неизвестные бельгийцам и вообще европейцам породы животных.

Рядом располагался стенд с образцами тканей, а ещё далее – можно было осмотреть образцы одежды, обуви и головных уборов, которые из этих тканей делают. Наконец, в самом дальнем уголке скромно притулились образцы мебели, велосипеды, коньки, лыжи и другое спортивное и туристическое снаряжение – до резиновых лодок и термосов включительно.

Успех собственно информационной компании стал окончательным, когда 21 мая 1854 года на выставку в Кёльне явились представители прусских властей. Они сразу разыскали организаторов и открыто заявили: на обратном пути это мероприятие должно обязательно пройти и в Берлине. В отправленном срочно в центр сообщении говорилось: «За согласие предлагают заплатить солидную сумму, в противном случае – обещают использовать всё влияние, чтобы задержать наше возвращение через земли Германского союза». Сразу стало понятно – цель не просто достигнута, она уже превзойдена.

В общей дирекции проекта, расквартированной в Воронеже, где уже вроде бы всё устоялось, восприняли такую новость с восторгом. Но после коротких мгновений торжества закипела новая суматоха, ведь требовалось срочно переделывать весь график и многие решения принимать заново. Из кабинета в кабинет носились как заведённые...

- Согласуйте с властями в Минске – завтра поедет не шесть грузовиков, а восемь.

- Уточните, где в окрестностях Берлина можно разместить полевой аэродром для срочной доставки грузов.

- Константинов, уточните, когда будут доставлены ящики.

- Алло, это строительный трест? Говорит Рихматулин, дирекция по организации зарубежной выставки. Можете выделить четырёх человек для монтажа конструкций?

- Нет, это я подписывать не буду. Согласуйте сначала в отделе по составлению программы, а то вашего декоративного стекла в расписании нет. Под свою ответственность неизвестно что отправлять не стану!

В разгар выставки в Вене, между прочим, приехал и один из корреспондентов английских газет – отправленный просто так, для галочки, чтобы не упустить упоминание и написать заметку на 2–3 строки. Собственно, он следовал в Грецию, но полученные известия заставили редакцию оставить его на месте и распорядиться о новых репортажах. В Мюнхен приехало уже два корреспондента специально, в Кёльн – шесть, а во время демонстрации в Брюсселе не было, наверное, сколько-нибудь значительного органа британской печати, который не прислал бы своего представителя. Официальное молчание свидетельствовало только об одном: в правительственных канцеляриях что-то назревает, но вот что именно – пока оставалось неясным.

Пресса в соседней Франции из-за суровых ограничений не имела возможности освещать происходящее, вынуждена была отделяться туманными полунамёками. Однако то, что с каждым днём поток желающих побывать на столь необычной площадке рос – даже несмотря на отсутствие публичной информации, железная дорога, соединяющая Париж и Брюссель, оказалась вскоре перегружена! – говорил о многом.

Хотя во Франции и не печаталось почти ничего, сам факт игнорировать – между собой – правительство, конечно же, не могло. И пришло к выводу, что нужно для начала выяснить и прозондировать обстановку, чтобы понять, что произойдёт вскоре. Потому 28 мая на выставку явился французский посол, целью которого являлось, конечно, не столько ознакомление с экспонатами, сколько «выход на значимых людей». Первые полуофициальные консультации прошли уже в полдень 29 числа, и по их итогам французские представители констатировали – рассчитывать на какую-либо иную позицию, кроме как нейтральную, не приходится. Это немного успокоило Париж, конечно, но в то же время, поближе знакомясь с «новым игроком», делегация пришла к выводу, «неизвестно кто хуже – Николай или вот эти».

И всё-таки, ничего не оставалось, кроме как пытаться выстроить дипломатическую игру, глубже прошупать неожиданных участников процесса. В дорогу отправился многоопытный министр иностранных дел Люис, который недаром слыл человеком очень искушённым в хитросплетениях внешней политики, и, более того, способным мастерски выбираться из любой западни, из опалы. Если уж он не добьётся решительного успеха – говорили в канцеляриях между тем – то действительно прежний мир окончательно рухнет.

Задача, стоявшая перед отбывавшим на нейтральную территорию – в Копенгаген – внешне не выглядела очень уж сложной. Требовалось всего лишь добиться вновь изоляции Российской империи и прекращения всякого сотрудничества с ней. Решающим аргументом в дискуссии должны были стать весьма значительные возможности Франции и то, что она более развита в технологическом и культурном плане. Именно на эти вещи предложили делать упор те чиновники, которые собирали предварительную информацию для своего начальника.

Переговоры начались 4 июня 1854 года. На встречу с главой французского МИД выехал, конечно же, руководитель того же ранга – Алексей Демьянов. И между ними состоялась весьма примечательная беседа. Стоит привести наиболее значительную часть её, последовавшую после дежурного «обмена любезностями» и прочих дипломатических экивоков.

- Итак, чем можно объяснить, что ваша страна, столь настойчиво кичащаяся своим причудливым государственным устройством, склонилась к сотрудничеству с примитивным оплотом варварства? Почему она не избрала путь более приличных стран, защищающих от этого варварства цивилизацию?

- Собственно, мы не выбирали никакой путь, и ничего не собирались делать тут...

- Не надо делать вид, что вы, месье Демьянов, не понимаете, что именно я имею ввиду. Не само ваше, гм, появление, а – те шаги, которые вы предприняли уже после него. Солдаты императора Николая снуют через вашу территорию так же легко, как через свою собственную.

Вы активно налаживаете торговлю с ним же. И, без сомнения, ещё немало вещей подобного рода сокрыто от глаз всего мира.

- Взглянув на карту, нетрудно убедиться, что у императора Николая остаётся ещё более чем достаточно дорог, чтобы двигать свою армию и помимо нашей земли, так что это не принципиальный вопрос вовсе. Развитие торговли как раз и должно максимально способствовать позитивным изменениям на имперской территории. Как только она войдёт в более или менее широкое международное общение, это станет лишь вопросом времени. Мало того, мы УЖЕ добились ухода российской армии из Дунайских княжеств.

Люис печально улыбнулся:

- Вы всего лишь заменили эту армию своей, и теперь ваши штыки будут способствовать колонизации края. Если они останутся там надолго, то это будет чистая оккупация, если уйдут быстро – силы Российской империи опять вернутся туда. Вы не собираетесь, как уже понятно, возвращать эти земли их исконному владельцу – Турции.

- Не секрет, что и до Турции этими землями много кто владел, да и сама Турция стала их обладательницей посредством силы оружия; да и все свои земли, раскинувшиеся по трём континентам, она получила также отнюдь не мирными средствами. Это в газетах очень хорошо говорить, что она является невинной овечкой, мы же с вами прекрасно знаем истинное положение дел.

Француз, на несколько мгновений задумавшись, ответил:

- Не так важно, что было когда-то раньше, важно то, что сейчас эта несчастная страна может оказаться захвачена гораздо более подлыми и коварными людьми. И вы этому невольно способствуете?

- Каким же образом мы этому способствуем, интересно? Повторяю, СССР добился уже ухода императорских частей из занятых недавно районов. Более того, мы уже ясно дали понять – любые подобные попытки далее окажутся нетерпимы.

- Вы либо недооцениваете византийское коварство Петербурга, либо ведёте ту же линию, но более тонко. Нет смысла делать вид, что на вашем гербе не изображён весь земной шар.

- Так, господин Люис, чего же вы от нас хотите – по сути?

- Очень немногого, на самом деле, господин Демьянов. Закройте границы для российских войск. Прекратите эту пагубную торговлю. Гарантируйте полную безопасность Османской империи вообще и черноморских проливов в особенности, присоединившись к англо-французскому соглашению.

- Ответ на эти требования будет дан вам в течение одной недели.

Тем временем, новостей ждали в нетерпении и сотни тысяч, миллионы людей в разных уголках страны. В их числе был и уже знакомый нам капитан Рукавишников, который теперь был командирован в миротворческую группировку. Там ему предстояло, в общем-то, нести уже привычную пограничную службу, следить за тем, чтобы никто посторонний не проник на вверенный участок и не просочился наружу. При этом всех предупреждали, что нужно действовать максимально аккуратно и осторожно; жителей самих Дунайских княжеств, конечно, не обижать, но в то же время не давать даже малейшего намёка на постоянное покровительство или даже долговременное присутствие.

- Помните, наша задача – всего лишь попробовать избежать дальнейшего развития войны, а не присоединить эти территории к себе в качестве внешнего анклава. Особенно будьте осторожны при общении с иностранцами, а уж тем более с журналистами и дипломатами. Эти субъекты ловки и любую оговорку могут обернуть в свою пользу, чтобы ложно обосновать тезис о «бесконечной тяге к экспансии».

И вот капитан ехал вперёд, преодолевая скуку. Да, потому что пейзаж вокруг был очень уж унылым – на северо-восток от Одессы, где их отряд двигался сейчас, людей почти не было. Здесь отсутствовали и обычные земледельческие угодья, и признаки оживлённой торговли,

которая до этих мест почти не доставала. Основные дороги, шедшие в морские порты, располагались заметно восточнее, а здесь – только редкая бричка ямщика или казённая повозка чиновника могла встретиться. Хотя, нет... пару раз попадались телеги с припасами, в которых были впряжены одна-две лошади; пусть Рукавишников и не был большим знатоком конских дел, но даже на его поверхностный взгляд эта «тягловая сила» отнюдь не выглядела крепкой и упитанной.

Капитан вспомнил, в каком состоянии пришлось ему увидеть впервые освобождённую недавно землю; тогда, в 1944-м, их едущая на фронт часть, проходила примерно вот так же через Ростовскую область. Несмотря на уже шедшее полным ходом восстановление – то и дело встречались руины выгоревших дотла построек, опустошённые сёла и станицы. Даже короткие беседы с местными жителями во время остановок показывали одну и ту же картину – везде говорили, что в лучшем случае треть от того, что было до войны, уцелела. И всё-таки тогда уже оживало всё постепенно. А сейчас – впечатление было даже хуже, хотя никакой войны через эти места уже давно не прокатывалось.

Тем не менее, колонна двигалась вперёд, мерно шумели моторы грузовиков, солнце грело уже совсем по-летнему, и Рукавишников задремал. Ему снились жаркие бои, когда против их дивизии враги бросили танковый «кулак», активно поддерживая его артиллерийским огнём. Тогда их дивизия прокладывала путь к Люблину, штурмуя созданные врагом укрепленные районы. Внезапная остановка, разбудившая капитана, прервала это «зрелище» как раз в самый разгар немецкой контратаки, едва не достигшей успеха.

Как оказалось, остановились они не просто так – впереди сапёры наводили переправу через Днестр. Ждать пришлось довольно долго, почти до самого позднего вечера, когда солнце уже начало закатываться, и всё это время сидели в расставленных тут и там палатках, хоть как-то укрывавших от зноя. Ехать через переправу пришлось в сумерках, а на другом берегу реки двигались уже в полной темноте. Дорога заняла больше времени, чем ожидал капитан: машины не разгонялись более пятнадцати километров в час, а водители чуть ли не каждую минуту подавали сигналы. При приближении к любым строениям останавливались, и только дождавшись возвращения посылаемых вперёд солдат, вновь ехали вперёд.

Естественно, Рукавишников заинтересовался такой странной манерой езды, не предусмотренной уставом и вообще ранее ему не встречавшейся. Шофёр пояснил ему:

- Да ведь местные совсем непривычны к нашему транспорту. Чего доброго, ещё задавим кого случайно – оно нам нужно?

Впрочем, жалующихся на задержку не нашлось, благо что после заката стало гораздо приятнее. Воздух уже не был таким раскалённым, как прежде, наоборот, оказался даже уютным и напоённым ароматами трав. Где-то в стороне от дороги мерно стрекотали кузнечики, пели птицы; а по самой дороге – вернее, по грунтовому направлению – ехал и ехал военный транспорт. Кроме грузовиков, шли штабные и санитарные автомобили, самоходки, ехали танки и БТР-152.

Наконец, в 11:17 1 июня 1854 года отряд Рукавишникова прибыл в назначенное место. Там их уже ждали передовые части, начавшие обустройство палаточного городка; от сооружения капитальных казарм и других военных объектов отказались именно по той причине, что это могло бы дать лишние поводы для обвинения в экспансии, а не только из-за сложности подобного строительства. Тем не менее, сама создаваемая группировка выглядела весьма солидной.

Когда около полудня капитан, разместив наскоро своих подчинённых, отбыл на совещание в штаб, он с изрядным изумлением заметил сразу пять прибывших САУ-152 – видимо, снятых недавно с консервации. Эти грозные машины, как прекрасно знал офицер, предназначались для борьбы с танками в первую очередь. Впрочем, загадка тут же и разъяснилась, в беседе с одним из артиллеристов:

- Да просто нужно произвести впечатление на тех же турок и остальных. А они тут, как известно, меряют силу артиллерии исключительно калибром. Поэтому большие пушки – отличный способ остудить горячие головы.

На совещании вновь повторили то, что Рукавишников слышал уже во время инструктирования перед походом. Поэтому он невольно заскучал было, и встрепенулся лишь когда объявили о самых последних новостях. Выяснилось, что за последние недели полторы задержано четверо только австрийских офицеров, пытавшихся заполучить ту или иную стреляющую штуку. Поэтому командование предупредило: о любых случаях потери оружия или боеприпасов к нему, другого военного имущества, о любых новых людях, интересующихся армейскими делами, даже под самыми невинными предложениями, следует немедленно сообщать непосредственным начальникам либо представителям контрразведки.

Одновременно сообщалось, что завтра, 5 июня, приедет группа иностранных журналистов, которая собирается освещать присутствие советских частей в районе Дуная и всё, что с этим связано. Поэтому командующий заявил:

- Надеюсь, вы понимаете, что любой из ваших подчинённых должен быть всегда в идеальном порядке. Малейшее упущение даже в форменной одежде и внешнем облике – совершенно непростительно в нынешнее время, когда о войсках судят как раз по внешности. И, конечно, трижды подумайте, прежде чем то или иное корреспондентам сказать.

В остальном же обсуждались самые обычные вещи: какие ещё части вскоре придут, как должна быть организована охрана периметра, сколько человек может одновременно получить увольнение за пределы гарнизона, и всё в таком духе.

Между тем, в промежутке между обычной армейской суматохой капитан успел ещё ознакомиться бегло с новым выпуском газеты – воссозданных после хронокатаклизма «Известий». В нём говорилось, к примеру, о решении существенно укрупнить размер сельхозпредприятий: в новых условиях столько управляющих, как прежде, содержать было уже просто нельзя. Также подчёркивалось, что, несмотря на все трудности, перевод железных дорог с паровой тяги на электрическую будет продолжаться, и первоначально высказанная идея о расширении выпуска паровозов однозначно отвергнута. При этом высказывались и замечания – к Ростовскому судостроительному заводу, который слишком инертен и не готов обеспечить нужные темпы строительства и ремонта судов.

Естественно, офицер не мог не уделить внимания и разделу международной хроники. Он был непривычно скромным по объёму – сказывалось то, что налаживать сеть корреспондентских пунктов и радиосвязи приходилось фактически с нуля. Но тем важнее были два появившихся всё же материала. В одной заметке сообщалось, что «для поддержки независимости Персии ей передаётся партия винтовок системы Бердана – в обмен на поставки фруктов и плодов». В другом материале говорилось, что вскоре, 15 июня, в Стокгольме должна будет начаться международная конференция, на которой будут обсуждать первую советскую инициативу в новом мире – о досрочном утверждении конвенций 1864, 1899 и 1907 годов – с преимущественным упором на статус военнопленных, некомбатантов, нейтральных стран, а также на запрет химического оружия.

Следующий день, 5 июня 1854 года. Оборонный завод в Сталинграде.

Сергей Павлов сбросил в ящик последнюю на сегодня деталь и начал вытирать руки. Вот уже четыре дня их цех перешёл на выпуск «берданок»: оружия, безнадёжно устаревшего задолго до 1949 года. Но здесь, вернее, сейчас, в 1854-м, оно неожиданно вновь стало актуальным. Предельно простое и технологичное, как ничто другое подходило для поставок за рубеж – когда требовалось снабжать какое-либо иностранное государство оружием. Да, оно одновременно превосходило всё, что сейчас находилось на вооружении за границей – и в то же время не усиливало получателя сверх меры.

Поэтому-то и выбрали эту модель. Её предстояло произвести в значительных объёмах: говорили, что только «персидский» заказ – на 200 тысяч штук, а ведь наверняка и ещё желающие или нуждающиеся найдутся, да и резерв на всякие случаи непредвиденные тоже создать не помешает. Поэтому Павлов ушёл с работы в твёрдой уверенности, что ничего не поменяется и завтра, он всё так же будет вытачивать свои детали, из которых станут собирать винтовки. А затем обладатели оружия – встанут буфером, отделяющим территорию страны от бескрайних притязаний Британской империи. Ну и сами, соответственно, будут более устойчивы к этим притязаниям.

Глава 6. Обновление порядков

4 июня 1854 года в пригороде Лондона, в одном из особняков, собралась большая компания джентльменов. Сии почтенные люди съехались, конечно, не просто так, они собирались обсудить важнейшие дела, жизненно важные для интересов Британской империи. Предметом их живейшего интереса стали, естественно, самые последние новости – и то, как на них отреагировать.

Хозяин тепло поприветствовал явившегося одним из последних гостя, не выказав никак своего недовольства, поскольку у того были более чем веские поводы задерживаться. Он только что прибыл утренним поездом, и хорошо что вообще успел к началу представительного собрания. Джеймс Коллингвуд – так звали этого последнего посетителя – был одним из самых выдающихся выпускников Оксфордширского колледжа 1827 года. С юных лет он примкнул к твёрдым консерваторам, и с тех самых пор от этого направления не отлипал, однако даже самые рьяные оппоненты на политической арене не нашли бы повода упрекнуть его в недостаточной наблюдательности или малой проницательности.

И неудивительно, что именно Коллингвуду выпала важнейшая миссия – побывать на востоке Турции, посмотреть вживую на непонятную страну, если получится. А если не получится, то хотя бы собрать какие-то сведения о ней со стороны.

Хозяин сразу же спросил визитёра, на которого тут же устремились все взгляды:

- Скажите, Джеймс, не томите, каков же ваш общий вывод?

- Общий вывод мой, Чарли, однозначен. Эти «новые русские» такие же лукавые твари, как и «старые». Только ещё более опасные – опасные уже тем, что не замыкаются только на своих целях, а могут распространить крайне скверные направления. Подать пример пагубной дерзости презренной черни – даже в нашем вedomом провидении Альбионе, не говоря уже о других государствах.

- Всё так плохо?

- Именно, друг мой. Этот «чи-чи-чи-пи», как они там изволят себя называть, цепко держит в своих лапах часть Турции – Аджарию. Которую оттяпает к себе будущий император Александр в 1878 году – а наши политики, к несчастью, не смогут отстоять достаточно энергично. То, что они не поступаются ею, лишь дополнительное доказательство устойчивости извечного русского экспансионизма, который может сохраняться, как мы убедились недавно, под любыми лозунгами...

Всего на два часа раньше в одном из особняков около Парижа состоялось точно такое же по сути собрание. На нём обнаружилась неожиданно прагматическая, или, вернее, осторожная позиция. Большинство склонялось к тому, что следует сначала прозондировать обстановку как следует, прояснить ситуацию, взвесить все за и против каждого выбранного варианта.

- Если мы кинемся в бой бездумно, то можем очень многое потерять. Если же попытаемся заключить соглашение, то можем получить, вероятно, очень серьёзные преимущества. Пусть в Лондоне «бодаются» за свои турецкие интересы, для нас это не так существенно. Собственно, и войну-то мы начинали, чтобы закрепить власть правительства. Но в этих внезапных обстоятельствах, возможно, получится укрепиться и иначе. Если предоставить фабрикантам доступ к невиданным, непредставимым прежде машинам, если узнать заранее, где и сколько

ценных залежей таится в недрах земных – эта польза будет несомненна. Возможно, ничего и не получится из такой затеи, но попробовать, во всяком случае, мы обязаны.

Между тем, конечно, посетители выставки из числа английских и французских дипломатов интересовались чуть ли не больше, чем доступом к технологическим новинкам, совсем иным вопросом. Их интересовала позиция советской стороны по поводу разгорающегося конфликта – позиция, которая всё ещё не была явно сформулирована официально. Ни в комментариях для российской, немецкой и австрийской печати, ни в конфиденциальных консультациях с дипломатами Австрии и Германского союза не содержалось даже намёка на неё.

Посоветовавшись между собой, представители Англии и Франции выработали, во всяком случае, единую платформу. Они решили настаивать, как минимум, на полном устранении черноморской эскадры, установлении совместного протектората пяти держав над Дунайскими княжествами, свободе плавания по Дунаю и его притокам. Также собирались отстаивать твёрдые гарантии существования Османской империи, в том числе особо оговаривая отмену всех договоров, каким-либо образом ограничивающих её распоряжение проливами, и не допуская впредь подписания новых таких же договоров. Наконец, покровительство христианским подданным султана также должно было теперь возлагаться на конгломерат Англии, России, Франции, Пруссии и Австрии, а не на один только Санкт-Петербург, как прежде. При этом послы получили дополнительное указание ещё – оговорить, что в дальнейшем полностью сохраняется возможность расширять этот список требований.

Как только сведения о выдвинутых претензиях достигли Ростова, там начали активно обсуждать их. Почти моментально возобладала точка зрения, что никоим образом присоединяться к этой позиции англо-французского блока нельзя. Как выразился один из чиновников МИД:

- Нас рассматривают всё ещё как дойную корову, которая должна по свистку выдать, видите ли, удобные им технологии. И заодно – как пассивный, послушный инструмент, вся роль которого – только лишь помочь добиться от Петербурга согласия на предложенные условия. Какое-либо участие с нашей стороны в происходящих событиях не рассматривается вообще. Совершенно очевидно, при этом, что в Петербурге не примут таких требований добровольно. Нас же загоняют в узкий коридор как будто. «Либо давите на Российскую империю, либо считайте себя нашими врагами», как бы говорят нам. Выходов вижу только два – или придумать какой-то совершенно новый, нетривиальный внешнеполитический манёвр, или использовать уже совершенно иные, не дипломатические отнюдь средства, грубую силу, чтобы показать, что нами помыкать нельзя.

В итоге появилось всё же официальное заявление, оглашённое в полдень 5 июня 1854 года. Начиналось оно с тезиса о неучастии в начинающемся конфликте каким-либо образом, и о том, что требования взять на себя любые обязательства в ходе его не будут рассматриваться. Далее говорилось, что СССР при этом оставляет за собой право любыми доступными средствами оборонять свою территорию и территориальные воды, а также весь транспорт, находящийся за пределами своих границ. Наконец, высказывалось собственное требование к участникам вероятного конфликта, если он всё же возникнет – соблюдать ранее переданные всем зарубежным конвенции о правилах боевых действий, плюс делалось предложение нейтральным странам – сформировать совместные комиссии для контроля за их соблюдением. Все потенциальные нарушители заранее предупреждались, что будет сделано всё возможное для привлечения их к ответственности.

Естественно, сразу же последовали новые попытки добиться «благосклонности» со стороны неожиданного игрока. При следующем «подходе» дипломаты союзных держав попытались апеллировать к «общей республиканской всё же идее».

- Как вы можете защищать это византийское варварство? – вопрошали англичане.

- Никакое варварство мы не защищаем. Но у вас нет никаких прав добиваться от независимых государств односторонних уступок. Ваши цели – цели чисто меркантильные – прекрасно известны нам. И мы их не разделяем ни в какой мере.

- Николай желает заграбастать себе Турцию, и вы собираетесь ему в этом помочь?

- Ваша страна взнуздавала Турцию, и ездит на ней верхом, как на коне. Британский посол в Стамбуле пишет фирманы, под которыми султан только ставит свою подпись.

- Это ложь и инсинуации!

- Это непреложные факты, отрицать которые глупо. Однако даже не в том дело, а в том, что мы не позволим принуждать себя ни к какому произвольному действию по чужой воле.

- Я всё понял, вы поддерживаете всецело Николая, а всё остальное – словесные увёртки для маскировки действительных намерений.

Этот разговор, помимо прочего, имел и ряд важных последствий. Так, в Ростове окончательно и бесповоротно убедились, что иметь никаких серьёзных дел с британцами и французами, не считая чисто торговых соглашений, попросту невозможно. Любое политическое или военное согласование с ними либо увязнет в огромной липкой массе совершенно ненужных деталей, либо окажется настолько общим, расплывчатым и ни к чему не обязывающим, что смысла особого заключать такой договор попросту нет. И даже если договорённости будут, что называется, выглядеть железобетонными, ничто не мешает в нужный момент просто заявить, что они недействительны, или иную хитрую уловку придумать. Всё, чтобы максимально обезопасить свои интересы и ни за что не отвечать.

Что с этим делать? А в качестве ответной меры решили – поступать точно так же. Раз позиции официального Ростова вообще никак не учитываются, то нужно стремительно изменить подход: ни в коем случае не угождать и не подлаживаться, а просто следовать ранее принятому курсу, чтобы получить хороший результат. Хотят получить перспективные технологии и просто товары? Значит, пусть добиваются, договариваются, идут, в свою очередь, на уступки, чтобы не было игры в одни ворота.

Но вместе с тем назрело и совсем иное решение, резко повернувшее официальный курс. Ранее предлагавшееся намерение – тайно вложиться в строительство Суэцкого канала через подставных лиц – отвергли.

- Незачем заниматься такой конспирацией без всякой необходимости, когда можно и нужно поступить более толково. Кому этот самый канал нужен? Египту. Следовательно, он и будет заказчиком, и совладельцем, наряду с нами. А впутывать в это дело Соединённые Штаты, тем более Англию с Францией не стоит. Пусть стоят в сторонке и наблюдают... да нам же с египтянами пополам и платят за использование канала. А то, что использовать будут, это и гадать не требуется, их же судовладельцы и грузоотправители своё правительство без соли съедят, вздумай оно запрет издать.

- Это что же получается? – Спросил немного обеспокоенно начальник военной разведки, - Вся операция отброшена?

- Нет, конечно. И сама идея ваша с подставным акционерным обществом неплоха очень даже. Но – для иного, не для глобальных действий, а для ваших разведывательных шагов. Пусть будет отличное прикрытие, если что, а вот в мировую политику лезть всё-таки исподтишка не следует. Там надо или выступать открыто, или тихо молчать в стороне.

Но, разумеется, прежде чем что-то такое решить, предстояло договориться не с одним Египтом. Серьёзной преградой являлась позиция Турции, а также маячивших за ней Англии и Франции. Пока эти субъекты не соизволят дать согласия на свободный проезд, ни о каком начале обычного строительства на Суэце речи быть просто не может. Конечно, оставалась возможность – силой проложить себе дорогу, однако именно этого делать категорически не следовало пока, потому что в таком случае претендовать на статус действительного миротворца и полностью нейтральной державы не получалось.

6 июня 1854 года раннее утро в тихом пригороде Берлина началось не с кофе, а с серьёзных взглядов – лица собравшихся людей были хмуры и сосредоточены. Да, для военных это вроде бы вполне обычное состояние... вот только повод, по которому они сейчас совещались, очень даже необычен оказался. Генералы и военные чиновники обсуждали – не что иное, как радио. Естественно, его появление внушало большие надежды, а вот то, что это мощное и эффективное средство всецело находится в чуждых руках, вызывало огромные опасения. И не только в том плане, что предполагаемый противник теперь сможет вызвать, например, подкрепление, или сообщить о внезапной атаке, даже будучи полностью окружённым и изолированным.

Не менее серьёзный повод для беспокойства высказал один из высокопоставленных военачальников, отличившийся ещё на излёте наполеоновских войн – собственно, именно тогда его карьера и пошла ощутимо в гору. Он заявил:

- Господа, очень худо то, что теперь нас можно услышать – и даже чуть ли не увидеть – на любом совещании. Где бы мы не разместились, никогда нельзя быть уверенными теперь, что все звучащие слова за несколько мгновений доберутся до Ростова, или до тех столиц, с которыми в Ростове пожелают поделиться этим мощнейшим шпионским средством. И обнаружить это, вдобавок, у нас нет почти никакой возможности, разве что случайно...

Начальник генерального штаба немного подумал, а затем заявил:

- Когда-то давно, стоило появиться заразной болезни в какой-нибудь местности, и сразу появлялось распоряжение – не выносить из неё какие-либо вещи и даже не торговать там, не пронести предварительно подозрительные предметы через огонь. Я советовался в университете, мне посоветовали уже – на всех важных встречах не вносить ничего, что бы перед этим не подержали бы в разогретой печи. Каждому прибывающему на такие обсуждения впредь придётся основательно выкупаться, а затем сменить всю одежду и обувь, прежде чем войти в зал или даже полевую палатку.

В тот же самый день в Ставрополе собрались руководители железных дорог со всей переброшенной территории. Им предстояло решить сразу несколько значимых проблем – например, перераспределить подвижной состав в соответствии с новыми условиями работы – и, более того, решить, как именно его доставить в нужные места. Впрочем, часть вагонов и паровозов предстояло использовать даже за формальной границей.

Решение переоснастить железную дорогу Москва – Петербург выглядело авантюристичным и нелепым на первый взгляд. Когда о нём объявили, с мест раздались возгласы:

- Что же это получается, мы для этих помещиков будем транспорт улучшать?

На что последовал не менее чёткий ответ:

- Не для помещиков, а по необходимости. Только представьте, какие перспективы открываются, когда мы будем держать в руках ключевую артерию, соединяющую столицу с остальными землями. Да получится буквально верёвки вить из них!

- Но зачем всё переделывать и столько работы проводить? Нельзя ли просто локомотивы и вагоны использовать?

- Нет, нельзя. Если наши поезда погонять месяц по этой линии – в том виде, в каком она пребывает сейчас – то все пути проще окажется построить заново, чем отремонтировать.

И вот, 8 июня 1854 года первая группа строителей прибыла в нужное место. Её стоянку сразу окружили войсками – на всякий случай, чтобы избежать несанкционированных контактов с местными жителями. Впрочем, это обстоятельство ничуть не беспокоило никого, и даже являлось вполне предсказуемым шагом. Как и другое неременное условие, поставленное перед доставкой самих локомотивов – перекрасить их, нанеся герб. Что ж, раз так, можно пойти навстречу такой претензии: в конечном счёте каждый человек всё понимает, и главное – чтобы машины приносили пользу, а не простаивали без дела.

А вот у влиятельных лиц в Англии имелись свои заботы, и не только в плане того, как защититься от предполагаемой военной угрозы. Они обсуждали – всё в тот же день, и даже в то же самое время – как переменить схему работы своей разведки. Основной вопрос стоял так: скопировать ли основную структуру, имевшуюся у непрошенных визитёров, или же постараться создать что-то своё. Как водится в таких случаях, мнения разделились. В различных собраниях, решавших политические вопросы, закипел ожесточённый спор:

- Вы предлагаете отступить от наших традиций, тем самым ослабив страну, хотите рабски подражать иностранцам.

- Нет, это вы упорствуете напрасно. Как мы будем следить за зарубежными странами и убережём свои секреты, если оставим всё как есть? Нет, пришла пора серьёзных перемен, и нужно думать о том, что поменять, чтобы предотвратить худшее.

9 июня 1854 года капитан Рукавишников шагнул по песчаному берегу – ведя за собой очередной патруль. Возглавлял его командир заставы лично не просто так: обстановка выглядела очень тревожной. Появилась информация, что англо-французская коалиция всё же направляет войска в Варну. Сползание к войне неостановимо, неумолимо продолжалось, и становилось ясно, что слабый контингент может в любой момент оказаться между двух огней.

«Ясно», думал офицер, «иного и ждать не приходится – ведь мотивы вражды слишком существенны, чтобы её можно было так просто взять и отменить. Максимум перекроют некоторые планы военных действий обе стороны, чтобы их противник не мог читать их как открытую книгу, да сдвинут сроки атак, вот и всё. Для Парижа по-прежнему важен престиж, для Лондона – необходимость сохранять своё доминирование в Турции и на Ближнем Востоке в целом. Что ж, нам остаётся только ждать и готовиться».

Возвращаясь из своего обхода, капитан с изумлением заметил вблизи пункта расположения прекрасно знакомые силуэты. Как оказалось, пока он был в патруле, для усиления группировки прибыла танковая рота. Её командир сразу же сообщил в ответ на вопрос, почему теперь начинают перебрасывать тяжёлые вооружения:

- Опасность растёт, и ограничиться теми мерами и силами, которыми предполагали обойтись изначально, не выйдет. Раз предстоят серьёзные бои, нужно готовиться отражать вражеские атаки. Крупные силы пехоты направить сюда пока не можем – приходится их держать и на северной границе, и на юге, где турки пошаливают иногда. Потому вот так решили – не числом, так огневой мощью взять.

О том, как турки «пошаливают», Рукавишников и сам прекрасно знал. Только на его участке в какой-то момент, несмотря на все меры предосторожности, позавчера башибузуки ухитрились просочиться, а затем обстреляли автоцистерну, сожгли несколько домов и повалили плакаты с предупреждением о недопустимости пересечения охраняемой границы. Да, их довольно быстро окружили, и частью уничтожили, частью взяли в плен, но нельзя было рассчитывать, что нападения на Дунайские княжества прекратятся. Несколько веков османы привыкали считать эти земли своими, пусть и подчинёнными не официально, а по вассальной присяге, но всё же...

Вот поэтому переброска дополнительных сил сразу обрадовала капитана. Он начал даже прикидывать, куда какой отряд могут направить, но в итоге бросил такие размышления: всё равно, пока не появится приказов, о дальнейших шагах командования можно только гадать.

А вот о чём гадать не следовало, что он понимал отчётливо, так это то, что отряды коалиции непременно попробуют атаковать Севастополь. Просто уже потому, что именно там находится столь неприятная для британцев стоянка флота. Не сокрушив её – или хотя бы не перенеся боевые действия на собственно российскую территорию в принципе – английская дипломатия не могла бы добиться вступления в войну Австрии и Швеции. Собственно, теперь у неё оставалось куда меньше шансов на это, чем в реальной истории, однако же надежды переломить развитие событий оставались.

И в тот же самый день гремели выстрелы не только на Дунае, но и в Берлине. Себастьян Лекорню, преподаватель школы в Меце, был убеждённым приверженцем своего императора, и считал, что Франция действительно заслуживает большего, нежели те рамки, в которые её ввели по итогам Венского конгресса. Когда произошло «Событие», Лекорню первоначально не поверил в те неясные смутные слухи, которые добирались до него. А вот как только окончательно убедился, что всё это не враки, то стал внимательно изучать всё, что удавалось узнать о ближайшем – и даже отдалённом – будущем своей страны.

Прочитанное не понравилось ему настолько, что Себастьян в первую ночь после того, как узнал о самых тяжёлых испытаниях, приготовленных как будто для Франции, практически не спал. Уроки он проводил на следующий день вяло, с чугунной, раскалывающейся головой. Однако же игнорировать представившиеся факты было невозможно, как и примириться с ними.

Одно лишь имя Себастьян Лекорню твердил то и дело, когда рядом не было других людей. Он вспоминал его – своего теперь самого ненавистного врага – погружаясь в сон и просыпаясь, начиная обед или ужин, просто идя по улице. Раздобыть револьвер не составило благонамеренному обывателю особого труда, как и пересечь с ним границу, взяв короткий отпуск в школе. Единственное, о чём впоследствии жалел Себастьян, так это о том, что он только ранил будущего канцлера...

Это покушение, конечно, не прибавило любви и обожания между Пруссией и Францией. Более того, взаимоотношения между этими странами стремительно ухудшились, причём с немецкой стороны громко раздавались голоса о «двух оккупациях» со стороны Франции (в 1918 и 1945 годах). Между тем, эти разногласия имели и позитивную сторону: из-за распрей выступить единым фронтом оказалось невозможно, и все призывы к официальному Берлину и Вене присоединяться к коалиции остались без ответа.

Коалиционная армия накапливалась в Варне, и маялась там без дела. Не было даже возможности отправить экспедиционный отряд на север для стычек с отступающими казацкими силами, ввиду отсутствия самих этих казаков. Холера явилась со всей своей сокрушительной мощью в первые же дни «варненского стояния», и казалась каким-то совершенно беспощадным палачом, истреблявшим всё и вся.

Среди солдат – и даже среди офицеров – в союзных войсках начались разного рода перебуды. Сводились они к одному простому тезису: «зачем мы здесь, что сможем сделать теперь, когда все наши карты открыты?». Высшее командование – английское и французское – хранило ледяное молчание довольно долго. Наконец, 10 июня 1854 года появляется приказ – готовиться к посадке на корабли. К тому моменту холера перекинулась уже с армии ещё и на флот, что изрядно снижало шансы на успех высадки, но делать было нечего, оставалось лишь идти вперёд.

Призывая солдат и матросов «решительно и стойко идти вперёд, сражаться за правое дело против азиатского деспотизма», Раглан и Канробер, Сент-Арно, Гамлэн и Дондас не упустили необходимости развеять серьёзнейшие возражения, мол «эта атака так же обречена, как и известная нам». Упор делался на два момента – что место высадки будет изменено, и что сама она начнётся раньше, следовательно, больше шансов нанести удар по неподготовленному противнику.

До всего этого не было особенного дела полковнику Бланшетту – одному из немногих сравнительно подготовленных британских командиров, а не типичному покупателю офицерского патента. Полковник готовился сугубо к выполнению своей задачи: высадке полка на отведённом участке и его дальнейшим действиям. Между тем, свои самые сокровенные мысли Бланшетт рискнул доверить своему дневнику, о котором никто не знал. Там была оставлена, к примеру, следующая запись:

«Этому врагу доверять нельзя. Ни под каким предлогом и видом. Петербургские канцелярии и штабы думают, что теперь мы отступим ввиду необыкновенных обстоятельств, и, вероятно, не ведут настоящей подготовки к столкновению. Именно это и есть наш шанс – ударить там и тогда, где и когда нас ждать не будут, быстро сокрушить неприятельские силы, принудить их беспорядочно отступать. Только после этого можно вести речь о каких-либо переговорах, обязательно на наших условиях».

То же самое примерно, пусть и в иных выражениях, обсуждалось и в тылу. Типичной точкой зрения тех дней среди высших чиновников в Англии и Франции стало такое суждение:

«Никакие гарантии этой новой непонятной страны не имеют ни малейшего значения. Она в любой момент может снять свою условную завесу с Дуная, сговорившись с Санкт-Петербургом, и тогда императорская армия опять получит свободу рук в действиях против Турции. Больше того, она резко усилится, и с каждым месяцем её силы станут только возрастать во всё большей степени. Поэтому необходимо как можно скорее атаковать противника и вывести империю из игры хотя бы на несколько лет. Лишь в этом случае её поползновения будут надёжно остановлены, а о соперничестве с нами и вовсе позабудут».

Глава 7. Громыкает гроза

По улицам Новороссийска поздно вечером 10 июня 1854 года ехали несколько грузовиков – они направлялись в район порта. Туда выдвигалась группа топографов, которым предстояло вести съёмку, чтобы наметить контуры будущего строительства. Внезапное происшествие, случившееся в апреле, потребовало срочно создать полноценную военно-морскую базу; хотя боевых кораблей пока было очень мало, не оставалось сомнений, что эта ситуация изменится, и тогда без военной гавани обходиться уже будет нельзя. Следовательно – рассудили военачальники – чем скорее начнётся стройка, тем лучше; в идеале года через три выстроить уже надёжную инфраструктуру. Потому на складах уже резервировали места для стройматериалов, прикидывали предварительно, сколько строителей понадобится, какое количество спецтехники и инструмента нужно отправить на объекты.

Правда, уехав назад, один из водителей грузовиков, на которых прибыли топографы, вынужден был сразу же отправиться к директору автохозяйства. И – сообщил с видимым сожалением:

- Движок менять нужно. Не тянет уже, особенно в гору и под нагрузкой.

- Да знаю я! – сердито отозвался директор, - вот только откуда я тебе запчасти возьму?

В море удочкой наловлю, что ли?

В самом деле, спустя 2–3 месяца после перемещения отовсюду начались жалобы: то в одной, то в другой организации приходилось «ставить на прикол» всё новые автомобили, причём только оттого, что для них не находилось сменных деталей и расходников. И стало понятно – в числе первостепенных дел теперь должно быть начало выпуска автомобилей, потому что вскоре обойтись одним лишь производством составных частей для них не получится; машины начнут выходить из строя, катастрофически изнашиваясь.

Правда, никто не знал ещё даже, где будет создано новое предприятие. Если одни предлагали разместить его во Владикавказе, то другие считали необходимым создать производство в Воронежской области, и у каждой стороны имелись свои аргументы. Если южный вариант потенциально упрощал доставку грузов морем (когда понадобится получить сырьё извне или отправить запчасти далеко за границу), то северный позволял опереться на большой потенциал промышленного города – там легче было найти и подходящие помещения, и оборудование, и специалистов.

А тем временем противостояние разгоралось всё сильнее. Посовещавшись, английские и французские военачальники однозначно постановили, правда – воздержаться от действий в восточной части Чёрного моря, как и в Азовском, поскольку это было слишком опасно. Но вот намерение атаковать на севере, нанести тяжёлый удар по Российской империи, только окрепло.

И что характерно, немаловажную роль тут сыграли сведения о последующих событиях, из которых вычленили главное для себя. В Лондоне и в Париже, в меньшей степени в других центрах Европы, говорили про «неоспоримое подтверждение русских экспансионистских устремлений». Так именовали там теперь установление контроля над Средней Азией в 1860–1880-х годах – которое оценивалось даже не по самому собственному значению, а по тому, насколько близко, с их точки зрения, была опасность для британских интересов.

Поэтому-то 12 июня и началась посадка войск на корабли, которые должны были перевести их из Варны через море, к северному берегу. На командующих уже явственно давили из столиц, чтобы те как можно скорее одержали решительную победу. Из того, что в ходе войны, как он описывался в «тех» источниках, удалось добиться только очень блёклого и посредственного результата (с чисто военной точки зрения, если сопоставить приложенные усилия, масштаб потерь и достигнутые успехи), сделали вывод простой и незамысловатый: следует как можно раньше перейти к активным действиям, а не ждать непонятно чего, оставаясь в прежнем лагере.

Закономерно, раз требовалось в кратчайшие сроки устроить генеральное сражение, то все варианты высадки, сколько-либо отдалённые от самого Севастополя, отвергли. Решено было произвести морской десант в том примерно месте, где позднее должен был возникнуть посёлок Кача. И, надо сказать, что присутствовал во всей этой спешке ещё и сугубо личный мотив. Сент-Арно вознамерился лично руководить сражением, которое определит исход борьбы в целом – раньше, чем неумолимая болезнь доконает его. Поставить, так сказать, красивую точку в карьере полководца.

На Балтике, казалось бы, ничего не изменилось, ход событий оставался прежним, хорошо известным – эскадра Непира в нескольких местах подходила к берегу, устраивала обстрелы и иногда короткие высадки, но ровным счётом ничего не достигла существенного, ни одного форта, даже второстепенного, взять не удалось. Однако вскоре разница всё же проявилась – во время атаки на Бомарзунд. Гарнизон не стал укрываться в крепости, не стал бросать пушки на внешних батареях – наоборот, разгорелось сражение крайне упорное и ожесточённое. Да, поражение всё равно оказалось неизбежным, и почти все защитники острова погибли в бою, лишь горстка, по большей части тяжело раненых или лишившихся оружия, попала в плен. Но потери французских войск тоже оказались весьма велики – хотя бы оттого, что в первой части столкновения огонь крепостных орудий был вполне результативен, в отличие от другого варианта, в котором снаряды просто не долетали до цели из-за малых калибров артиллерии. И не только в характере битвы дело было, не только в соотношении потерь. Такое развитие событий усилило колебания в Швеции и Норвегии, правительства которых получили убедительное доказательство: ни один клочок суши не станут сдавать без боя. Расширить свои владения, а то и вернуть Финляндию, для Стокгольма казалось вполне соблазнительно... однако цена такого успеха представлялась несоразмерно высокой теперь.

Мало того, в Париже дали своим войскам приказ – сразу после победы в Бомарзунде оставить его и возвращаться скорее в пределы самой Франции. Таскать каштаны из огня для британцев отнюдь не входило в планы Наполеона III, который уже строил амбициозные планы самому стать одним из решающих мировых дела игроков. Ошибки свои, как ему представлялось теперь, он учёл, и мог воистину казаться себе непобедимым – тем меньше могли быть, по мнению императора, уступки по отношению к интересам Лондона.

Тем временем, происходили и мелкие с виду, но весьма символические события. Так, австрийский таможенный чиновник Алоис Шекельгрубер поклялся, что никогда не будет иметь детей. А младший директор 1-го отделения монетного двора Лев Перовский получил высочайшее указание – всех своих потомков отправлять в привилегированные учебные заведения, наподобие Смольного института. Такой подход казался «сравнительно выгодным».

Спустя несколько дней после бомарзундской эпопеи, убедившись, что взятый было остров союзники полностью оставляют, предварительно уничтожая там все укрепления, а также зная наперёд, что какого-то глобального успеха коалиция всё равно не добьётся, в Стокгольме решили придерживаться строгого нейтралитета и не вдаваться в авантюры; не из-за принципиальности особой, а из-за осторожности.

Однако именно это обстоятельство заставило Париж и Лондон идти ва-банк. В черноморских водах находилась лишь небольшая часть британского флота, и, естественно, этого количества теперь казалось мало. 15 июня Непир получил приказание идти срочно на юг, туда же стягивались английские военные корабли отовсюду, откуда только возможно. В Петербурге, между тем, проявляли пагубное благодушие, полагая, что, раз противнику известно уже, насколько малы шансы на успех, тем более на глубокое развитие успеха, то все манёвры и сосредоточение войск, концентрация флота означают всего лишь способ хитроумного запугивания. Переходить к реальным действиям враги не станут, или ограничатся чисто символическими акциями – такое мнение преобладало и среди министров, и среди генералов и адмиралов.

Поэтому дополнительные приготовления к обороне оказались слабы и малоэффективны. Заранее отправили в Севастополь некоторое количество морских мин системы Якоби, прислали туда два эскадрона кавалерии и несколько артиллерийских батарей дополнительно, попробовали ускорить строительство укреплений. Думали про закупку винтовок системы Бердана и камуфляжной униформы, но эти дела продвигались неспешно и вяло, так что к моменту начала боёв ни новое оружие, ни новая форма ещё не были доставлены к предполагаемой линии фронта.

Как оказалось, все эти шаги безнадёжно запоздали – и при этом создали опаснейшую иллюзию, что вот-вот и ситуация окажется переломлена. Поэтому-то Меншиков и решил попробовать разбить неприятеля на суше, как бы учтя ошибки «прошлого раза». Но то ли он их изучал невнимательно, то ли его переиграли тактически – и оттого высадку всё так же прошляпили, но теперь уже с бравадой, мол, стоит подтянуть побольше сил, и одним ударом с англо-французским отрядом удастся покончить. Соображение более общего плана также стояло за этим: генералы не собирались упускать решающей чести в борьбе с врагом флоту, и именно это соперничество заставляло их всё больше навязывать противнику сухопутную борьбу. Вернее, это они думали, что навязывают, а на деле английские и французские военные с глубоким удовлетворением смотрели, как русские войска идут в прекрасно известную им ловушку.

А вот союзные командующие не стали, напротив, повторять свою критическую ошибку. Несмотря на вызванное первыми прибрежными столкновениями неустройство войск, несмотря и на то, что часть армии всё ещё не прибыла, они стремительным маршем уже на следующий день вышли к северной стороне Севастополя. Удар оказался страшен – укреплений почти не было, а скромный гарнизон не мог, конечно, сколько-то долго сопротивляться. Уже через три дня он капитулировал, хотя и почётно, выговорив право благодаря жёсткой борьбе – оставить себе знамёна. Тем не менее, это не помешало очень быстро овладеть также Инкерманом и Балаклавой. И тут коалиция внезапно обнаружила, что больше ничего толком сделать не может. Произвести решительное движение на север и овладеть всем полуостровом? Значение такого шага и в военном, и в политическом плане оказалось бы ничтожно, зато он привёл бы к распылению имеющихся сил. Пытаться проникнуть дальше через Перекоп? Тогда пришлось бы зависеть от тонкой нити перешейка, снабжение через который чрезвычайно затруднительно; даже если наступать влево и вправо вдоль берега, чтобы сохранять поддержку с моря, просто растянешь войско в тонкую линию. Что касается стремительного удара вглубь и выхода к основным уязвимым центрам, то до них было слишком далеко, и не с имеющимся войском следовало думать о достижении такой цели.

Даже генеральный штаб в Ростове оказался озадачен масштабом происходящих перемен. Стало понятно, что время, когда можно было ориентироваться на свои познания о грядущих событиях, стремительно заканчивается; но – делать же что-то нужно?

24 июня 1854 года, окрестности Евпатории, высота – 1500 метров над уровнем моря.

- Пошёл!

- Пошёл!

- Пошёл!

С каждым возгласом очередная фигура вываливалась из самолёта за борт. Последним туда шагнул майор Потапкин – и сразу увидел, что небо до горизонта вокруг также усеяно белыми и чёрными точками. Он вспомнил последний инструктаж перед вылетом, на котором говорили прямо:

- Что-то, кажется, пошло не так. Английское и французское правительство могут повесить в себя и наделать кучу ненужных глупостей. Вплоть до того, что обзаведутся своими владениями, иметь которые рядом с собой для нашей страны категорически нежелательно. Поэтому решено: предотвратить, насколько возможно, дальнейшее продвижение коалиционных войск. Вам предстоит быть в первых рядах, потому что разведка докладывает: англичане и французы торопятся, они также опасаются нашего вмешательства, и могут совершить быстрый рейд на другие значимые пункты, овладев ими легко из-за полной беззащитности. Ни по морю, ни по суше перебросить войска в кратчайшие необходимые сроки нет возможности, поэтому вам предстоит быть авангардом и приостановить дальнейшее движение противника до прибытия основных сил.

Глава 8. Жёсткие шок

Естественно, десантники появились не просто так, они вылетели лишь после дипломатических согласований – всё-таки действовать предстояло на территории независимого государства. Однако саму идею о вмешательстве, как ни странно, предложили именно представители Петербурга. Известие о стремительном падении крепости и морской базы, которую за долгие десятилетия привыкли считать неприступной твердыней, потеря всяких флотских сил на Чёрном море заставили проявить недюжинную уступчивость, срочно запросив военную поддержку. И немало людей в генеральном штабе говорили:

- Мы оказались в том же положении, в каком пять лет назад была Австрия. Тогда только благодаря нашим усилиям она вообще сохранилась... теперь же нам самим приходится запрашивать помощь – и у кого спрашивается?

Между тем, численность войск и полиции в Евпатории и её окрестностях была очень невелика. Поэтому в столицу потянулись тревожные сообщения: пресечь контакты десантного контингента с местными жителями не получается, и даже больше – в случае длительного размещения присланных войск нельзя будет уже вполне положиться и на собственную армию. Не требовалось большой сообразительности, чтобы оценить разницу между даже самыми крупными собственными постоянными госпиталями – и развёрнутыми полевыми санитарными пунктами. И конечно, срок воинской службы 3–4 года (против 20 лет), в течение которого ни разу не рискуешь столкнуться с плётью и розгами, говорил сам за себя.

Но одними разговорами дело не ограничивалось, конечно. Десантникам пришлось через несколько часов после высадки вступить в бой с наступавшими на Евпаторию турецкими силами. Город имел для них буквально священное значение – ведь именно там располагалась огромная мечеть, в которой ханы присягали на верность султанату. Столкновение выдалось потому хотя и коротким, но очень жёстким. Потапкин после боя был мрачен – в его роте трое погибли, ещё пятеро оказались ранены... ведь оружие, даже безнадёжно устаревшее, не становилось от этого менее опасным. После окончания боя десантный отряд удовлетворился зрелищем отходящих турок, не став преследовать их, чтобы не попасть в ловушку и не рассеивать своих сил.

Конечно же, одержав эту победу, военные решили ознакомиться с самим городом. Хотя в архитектурном плане он не представлял из себя ничего особенно выдающегося, всё же в нём была одна интересная черта – очень большое количество ветряных мельниц.

Местные жители смотрели на них со смешанными чувствами. Конечно, очень хорошо было, что теперь сюда не доберутся ни англичане, ни французы, ни турки тем более – но вот что ещё принесут эти неизвестные ранее войска... которые говорят вроде и на привычном языке, но как-то чудно, что ли. До далёкой окраины империи добирались раньше только отрывочные слухи, один другого «интереснее»; как ни странно звучит, хотя географически эти места были ближе, жители Петербурга и Москвы раньше встретили непонятных визитёров вживую. И вот теперь евпаторийцы могли наблюдать, наконец, вживую таинственных личностей, и не просто наблюдать, но и общаться с ними.

Разумеется, отступившие в полном беспорядке остатки турецкого войска добрались вскоре до францужско-британских позиций. И – навели там изрядную панику, ведь никто не ожидал появления экспедиционного корпуса так быстро. Среди солдат и младших воинских начальников возникли споры: одни утверждали, что «ЭТИ» обладают некими необычайно быстроходными кораблями, а другие стояли на том, что войска были переброшены заранее, и уже скрытно находились на месте. Иных объяснений столь стремительного их появления поблизости быть не могло, причём второе казалось более вероятным, потому что берег был плотно обложен дозорными судами, и проскочить незамеченным вряд ли кто-то сумел бы.

Высшее командование – как британское, так и французское – оставалось более хладнокровным, пусть и оказалось также, конечно, раздосадовано внезапным появлением третьей силы. И сделало то же самое, что постарались сделать любые воинские начальники в такой ситуации – прояснить, для начала, что происходит, и с какой целью явились новые войска.

Между командующими состоялся такой разговор:

- Зачем вы встаёте у нас на пути? Ваше правительство заявило как будто о своём нейтралитете, и сейчас мы видим всю цену этих речей. Мало того, что вы влезли в Дунайские княжества, так теперь и в Евпаторию припёрлись. А дальше что будет? Завоюете несчастную Турцию и отдадите её Петербургу, чтобы заслужить его благосклонность? Или – станете властвовать там сами, устанавливая свои глупые и никчёмные правила?

- Странно слышать такие высказывания после того, как вы сами явились сюда, за сотни миль от британской земли, и активно наступаете повсюду, где только можно. Это вы всюду проникаете и устанавливаете свои правила, вернее, добиваетесь полного подчинения.

Англичанин побагровел от возмущения, но после некоторой паузы его пунцовость прошла. Затем он продолжил:

- От имени её величества настоятельно требую убраться отсюда и не мешать нам защищать турок. Чем скорее вы это сделаете, тем лучше.

- Аналогично, вам следует самим как можно скорее покинуть захваченную территорию.

Поскольку беседа ощутимо зашла в тупик, и решения могли быть приняты теперь лишь на гораздо более высоком уровне, военачальники разошлись и направились каждый в свой лагерь.

Точно в то же самое время, пока они расходились, в Ростове происходило совещание высокопоставленных руководителей уже по совершенно другому поводу. Горячка первых дней прошла, и настало время продумывать стратегии действий для решения тех или иных проблем. Начали с самого близкого территориально и наиболее чувствительного в плане общественно-политическом вопроса – соседства с территорией, где всё ещё сохраняются крепостные порядки. Конечно, добиваться их упразднения, притом возможно скорейшего, было необходимо, в этом не сомневался никто. Трудность состояла в другом: каким образом действовать?

Уже предварительные оценки показывали какую-то совершенно астрономическую сложность «подтягивания» имперских земель к хотя бы минимально допустимым для конца 1940-х годов стандартам жизни и хозяйствования. Не было сомнений, что изучение более точное – покажет ещё больше скрытых минусов у такого подхода, поэтому вариант с полным установлением контроля оставили на самый крайний случай.

И вот, наконец, в дискуссии забрезжил луч света.

- Необходимо выкупать крепостных массово и освобождать. Всё по закону.

- А на какие деньги выкупать?

- Создадим совместные предприятия с торговцами, живущими на имперской территории. Будем перепродавать в нейтральные страны разные товары, распространение которых не представляет угрозы для нашей обороны. Патефоны там, примусы, швейные машины, ткани, мебель. Постепенно, быть может, создадим и простейшие производства там же. Свою долю чистого дохода будем пускать как раз на выкуп.

- А почему бы нам самим не продавать всё то же самое за рубеж, чтобы ни с кем не делиться?

- Ага, и потратить лишние месяцы и даже годы на налаживание торговых контактов с иностранными покупателями, тогда как у местных уже всё выстроено.

- Хм, а если из-за массовой скупки крепостных цены на них вырастут, и придётся тратить слишком много?

- Тогда применим антимонопольные меры. В смысле, будем проводить манёвры вблизи границ тех губерний, где помещики начнут жадничать. Думаю, такой намёк они поймут.

Между тем, 25 июня 1854 года проходило уже иное совещание – в Зимнем дворце, под непосредственным председательством императора. Он и открыл, естественно, обсуждение, начав его со следующих слов:

- Как вы все уже знаете, господам финляндцам и господам полякам окажутся свойственны пагубные страсти. Как первые, так и вторые не просто склонны к мечтаниям о вольности и об образовании собственных государств, но даже и самый характер этих государств, ежели таковые появятся, неизбежно будет крайне зловредным. Они станут обязательно стремиться к расширению своих пределов за счёт коренных российских земель, и, более того, к превращению жителей этих земель в своих бесправных данников. Таковое устремление, безусловно, совершенно нетерпимое, возникнет вследствие необъяснимой мягкости и податливости предшественника моего, предоставившего Великому Княжеству Финляндскому и Царству Польскому избыточные, необыкновенно щедрые поощрения, привилегии и выгоды всяческие.

Сей порядок, который, как мы теперь убедились, является смертельно опасным, должен быть в кратчайшие сроки изменён. Гангрону следует вылечить в самые ранние дни её, иначе – беда неминуема. И мы должны сделать всё, чтобы пушки финляндские никогда не обстреливали бы Васильевский остров, и чтобы костёл не мог буйно своевольничать. Потому, с 1 августа сего года учреждаются новые губернии – Привислинская и Северо-Балтийская. От вас же я жду предложений, как именно их лучше обустроить, какие правила установить, кого куда назначить в этих губерниях.

Далее и в самом деле перешли к решению «сугубо технических» вопросов. Новые императорские указы, между тем, были восприняты в Ростове сдержанно, то есть – ни осуждать, ни одобрять их публично не стали, ограничившись перепечаткой в рубриках международных новостей, не давая никакой специальной оценки. Но, разумеется, столь крупное событие не могли не обсуждать повсюду, уже из-за его значения хотя бы, независимо от отношения к нему.

Затронули его и дипломаты, конечно же. Да, как раз с начала июня в Санкт-Петербурге функционировало уже новое представительство, по понятным причинам вызывавшее неустанный интерес у послов иных стран. В разговоре со шведским посланником Густавом Норди-

ном (а именно через представителей нейтральных стран, конечно, только и можно было как-то донести свой взгляд до Лондона и Парижа) посол Огурцов высказался примерно так:

- Ни малейшего резона в поддержке польских притязаний нет. Перед моей страной сейчас стоит громадное количество неотложнейших внутренних проблем и неудобств, которые и нужно решать в первую очередь, выделяя лишь наиважнейшие международные дела. На сегодняшний день, летом 1855 года, никаких шансов на обретение независимости собственными силами у польских энтузиастов нет. Соответственно, это может быть достигнуто только за счёт какого-то внешнего могущественного вмешательства. Но нашу поддержку – если таковая и была бы предложена – подчёркнуто аристократическое эмигрантское сообщество и его внутрипольские единомышленники всё равно отвергли бы. Следовательно, им пришлось бы стать зависимыми в плане внешней политики от Англии и Франции, даже если бы их авантюры каким-то образом удались. И это никоим образом не помогает нашим целям, наоборот, затрудняет и отдаляет их.

Также 25 июня 1854 года происходило ещё одно важное совещание в Ростове – на этот раз в министерстве обороны. Там собрались командующие родами войск, представители специализированных конструкторских бюро и другие специалисты, которым предстояло решить – каким будет облик вооружённых сил, к каким целям следует стремиться. Начали, предсказуемо, с основы основ, то есть с пехоты. Слово взял командующий сухопутными войсками, естественно:

- В сложившихся обстоятельствах необходимо сохранить все наши ключевые преимущества, и, более того, постараться усилить их. Потому считаю желательным сокращение численности стрелковых частей на 1/3 – даже после этого они будут вполне достаточны для отражения любой возможной агрессии. Особенно если одновременно повысить интенсивность подготовки, увеличить количество грузовиков и бронетранспортёров в частях, а также завершить, наконец, переход от самозарядного оружия к автоматическому.

Последовали возражения:

- Сейчас все судят о силе армии, прежде всего, по числу пехоты как раз. И слишком понижать этот показатель – значит выставлять себя в невыгодном свете. Кроме того, именно при нынешней, гм, необычной ситуации – боевые возможности стрелковых частей оказываются очень ценны. Производить достаточное количество бронетехники, самолётов мы сможем не сразу, а с военным кораблестроением дела вообще обстоят печально. Хорошо бы хоть к 1860-му всё начало выправляться... Так что сокращать, быть может, и нужно, но далеко не на треть!

Так и не придя ни к какому определённомому мнению, решили отложить пока обсуждение этой темы до другого совещания. Перешли сразу же к обсуждению будущего облика танковых сил – и тут тоже столкнулись две точки зрения. Один из конструкторов заявил:

- Сейчас, когда ни у кого нет средств противотанковой борьбы, следует сделать упор на высокую подвижность и огневую мощь, а для этого стоило бы даже перейти обратно к противопульной броне.

Другой возразил ему:

- Этот подход лишает смысла саму концепцию тяжёлой бронированной машины. Кроме того, если сейчас нигде на Земле, кроме как у нас, нет средств борьбы с танками, то совершенно неизбежно они появятся. Пусть далеко не сразу, но нет никаких сомнений, что каждый генеральный штаб уже поставил такую задачу. И хотя возможности промышленности середины XIX века очень ограничены, изобретательность человеческую недооценивать нельзя!

Дальше речь зашла про военную авиацию. И вновь столкнулись две точки зрения. Одни говорили:

- Следует и дальше выпускать те же типы самолётов, которые сейчас состоят на вооружении. Всё равно только через 40–50 лет у кого-либо может появиться нечто подобное. Сле-

довательно, всё это время у нас будет абсолютное превосходство без всяких дополнительных усилий...

Другие выдвигали противоположный тезис:

- Да, какое-то время, пока промышленность не вышла из кризиса, пока не воссоздано полноценное производство авиатехники, можно ограничиться уже существующими самолётами. Но долго так продолжаться не может! Если остановиться и почивать на лаврах, то, когда понадобится – пусть даже не через 40–50, а через 70–100 лет даже, не сможем сделать тот самый «шаг вперёд». Потому как школа конструкторская окажется полностью утрачена. Поэтому следует при первой возможности создавать новые летательные аппараты – более мощные, более скоростные, и, конечно, с улучшенными боевыми характеристиками.

Ещё более острой вышла полемика насчёт перспектив развития артиллерии. Некоторая часть совещающихся полагала, что нужно сделать как можно больший упор на автоматические скорострельные орудия, которые производят потрясающий психологический эффект, подрывает моральный дух вражеской армии. Они ссылались на недавние примеры, когда именно быстрая стрельба способствовала успехам на поле боя:

- Именно автоматические пушки произвели колоссальное впечатление на турецкую пехоту и британских моряков. Об этом говорят даже и сами свидетельства пленных...

Впрочем, подавляющее большинство участников встречи придерживалось иной точки зрения:

- Интересно, с чего это вдруг вы решили, что артиллерия должна будет воевать только с легковооружённой пехотой и небронированными кораблями? Неужели можно исключить случаи, когда она понадобится, например, для штурма крепости, для городских боёв, для действий в горах, наконец? И неужели вы понимаете, что уже прямо сейчас везде за границей работают над усилением укреплений, что в любом предстоящем конфликте фортификация будет стремительно совершенствоваться?

Наконец, завершили обсуждением перспектив развития флота. И тут уже, в отличие от сухопутных сил, решено было брать не количеством, а качеством. Всё равно создать значимое число надводных кораблей высокого уровня, без того чтобы не надорваться в этой гонке вооружений, не получится, но есть более простые и эффективные решения.

- Зачем напрасно тратить сотни тысяч тонн первоклассной стали, если можно решить ту же задачу гораздо изящнее? Нет, конечно, некоторое количество артиллерийских кораблей построить стоит, просто для баланса. Однако основную роль в ближайшее время, да и в обозримом будущем, должны играть в нашем флоте – подводные силы. Кроме того, следует как можно скорее разработать морские самолёты-снаряды с ныряющей боевой частью и активным радиолокационным наведением.

Но не только военные были вынуждены реагировать на неожиданные, непредставимые прежде обстоятельства. По-своему к ним должны были приспособливаться даже и в кругах церковных. Поскольку прежние высшие должностные лица остались в Москве 1949 года, а подчиняться петербургскому Синоду было невозможно, то решение напрашивалось только одно – выборы нового патриарха, которые прошли на следующий день, 26 июня.

Впрочем, Елене Малковой, которая была шофёром сельской автолавки на севере Воронежской области, ни о решении создавать крылатые ракеты морского базирования, ни о делах церковных тогда ничего не было известно, конечно. А если бы и было вдруг, то от этого ничего бы не поменялось – своих дел имелось слишком много, чтобы ещё о чём-то чужом думать. Тем более что предстояло дело достаточно важное, как оказалось.

В полдень 26 июня её вызвал как раз начальник, который и сообщил:

- 28 числа в Липецке будет проходить так называемый «петровский торг». Это нечто вроде очень большой ярмарки. Есть договорённость о том, чтобы прислать туда несколько машин с товарами, сделана уже разнарядка по разным организациям. Поедешь?

Не без колебаний, но она всё же согласилась. И потому ещё очень рано утром, до рассвета, выехала на север. Не в одиночку, естественно, а в составе небольшой колонны таких же грузовиков. Их сопровождали милицейские автомобили, причём даже не до границы, а всё время, пока не добрались до места. И даже там, на подходе к рыночной площади Липецка, сопровождавшие тоже оставались весь день, пока не завершился торг. Возвращались назад также с эскортом, что было неудивительно – встретить разбойников на дорогах или столкнуться с мелкими ворами на самих торгах в середине XIX века дело самое обычное.

Наряду с закреплёнными за ними силами, было на самой рыночной площади и второе своеобразное «кольцо охранения», на этот раз из числа липецкой полиции. И эта мера, надо сказать, также оказалась очень даже к месту. Хотя бы потому, что иначе приехавших бы могли попросту растоптать – так велик оказался интерес. В этом не было ничего удивительного – всё-таки событие даже для губернского города из ряда вон выходящее.

Возвращаясь, Елена не знала, что двое липецких полицейских, встретившихся на следующий день в трактире, начнут разговор о произошедшем событии именно с упоминания её, а ведь так и будет. Причём выскажется старший в сочувственном духе:

- Худосочна и волосы короткие. Зачем больных отправляют в дальнюю дорогу, не пойму...

Потом обсуждение плавно свернуло в другую сторону – заговорили о привезённых товарах, вернее, о том, что говорят в городе.

- Соль какая-то странная, слишком светлая, что ли, ни единого комка. И вкус не такой, как обычно.

- Ещё и в коробках этих...

- А те сахарные кубы, видимо, ювелиры вытачивают.

Они помолчали. Затем, спустя пару минут, неспешная беседа возобновилась.

- Я говорил с двумя подручными, которых отправили на разгрузку товаров по приказу градоначальника. Они божатся, что никакой крамолы вроде бы не слышали. Подметили, что ящики – слишком лёгкие какие-то. И не поймёшь из чего, вроде дерево, а вроде и нет...

А капитан Рукавишников в то же самое время находился в штабе. Его туда вызвали, чтобы вручить памятку по актуальным наградам и знакам отличия в основных иностранных армиях. В штабе, между прочим, обсуждали между собой установление двух новых дополнительных высших наград – ордена Отваги и медали Содействия – предназначенных специально для вручения за границей, если вдруг такое понадобится.

- А что, толково придумано. Зачем лишний раз провоцировать попусту. Да и глупость это и нелепость, давать существующие знаки отличия видному деятелю какого-нибудь королевства...

Но от подобных торжественных моментов разговор в штабе быстро перешёл в более практическое русло.

- Остался ли у вас ещё кофе? Я последнюю порцию три дня назад сварил.

- У меня он ещё раньше закончился. А новый взять просто неоткуда теперь.

- Значит, нужно скорее налаживать какие-никакие поставки.

- Да, с чаем-то как-нибудь справиться можно, даже со своим, а вот с кофе – никак.

- И не только с ним, кстати. Вчера поступил приказ – до особого распоряжения убрать из довольствия шоколад.

- Но чтобы доставлять грузы издалека, нужно, как минимум, чтобы прекратилась эта война.

- Верно. Тем более что она и так уже зашла в тупик. Вот только на что-то надеются в Лондоне и Париже... может быть, думают, что всё само собой вернётся в прежнее русло, что ли...

- Значит, с каждым днём выше вероятность, что придётся простимулировать их мыслительную деятельность хорошим толчком. В смысле – каким-нибудь показательным ударом. А то они так и зависнут, быть может, на месяцы, не имея желания что-либо решать.

На следующий день, 30 июня, владимирский губернатор Анненков готовился принять у себя почтенных людей – представителей купечества. Сумятица окончательно улеглась, хотя до сих пор была непривычна мысль, что теперь губерния является приграничной. Однако это, увы, было именно так – с юга теперь располагались спешно созданные заставы и посты.

Губернатор раздражённо мотнул головой. «Заставы... посты. Какое это вообще имеет значение теперь? Одна видимость, или, вернее, надежда на добрую волю. Захотят перешагнуть линию – за три минуты всё будет кончено. Одна надежда, что не захотят. Южный сосед, обкорнавший империю на четверть, слишком опасен, чтобы с ним открыто враждовать... и может быть слишком полезен, чтобы просто не замечать. Значит, как раз о торговле и стоит заботиться в первую очередь».

Вот, наконец, явились вызванные на встречу явились вызванные. После обычных вступлений рассказывать о своих делах первым начал широко известный в городе Назар Муравкин.

- Я, ваше превосходительство, в целом доволен. Приезжали ко мне представители общества... хмм... тьфу... «объединения» «Плодоимпорт». Мои огороды и парники одобрили, а особенно те дыни и арбузы, которые в них растут. Обещали какую-то переделку большую произвести, вернее, с кем-то договориться, кто всем этим там, на юге, занимается. Пока только одного агронома прислали, правда. Что скажу... вроде не разгильдяй и дело знает, а как дальше будет – бог ведает.

Андрей Никитин, который славился своими отлично выполняемыми подрядами по строительству мостов и дорог, был куда более оптимистичен:

- Все дорожные работы, которые на этот год назначены, уже скоро будут завершены. К середине июля – точно.

- Так вы же говорили, - взглянул на него с недоумением Анненков, - что договорились о присылке всего десяти человек?

- Истинно так, - покладисто согласился Никитин, и, вытащив откуда-то из кармана бумажку, начал по слогам читать только недавно узнанные слова, - три буль-до-зе-рис-та, два грей-де-ри-ста, три скре-пе-ри-ста и два механика.

Анненков попробовал повторить, запнулся пару раз, но не выругался, а только лишь сердито засопел, пару раз тяжело вздохнул, сжал кулаки и, спустя ещё несколько мгновений, перешёл к более привычной теме.

- Так, а что у нас с товарами продовольственными? Что мы купить сможем, а что продать?

В разговор вступил ещё один молчавший прежде купец – Евсей Пряников.

- Так, ваше превосходительство, я весь кофий уже сбыл, и ещё могу поставить по цене очень хорошей, если сумею заполучить вскорости новый груз. Архангельские селёдки ещё славно идут.

- Да, и как же торгуешь-то, откуда деньги якобинские берёшь?, - полюбопытствовал губернатор.

- А я меняю потихоньку...

- На что же меняешь?

- Картофель вот подвезли на прошлой неделе. Ровный – такого и на выставке не встретишь. Да что картофель, яблоки и те прибыли дня два назад, сразу в Москву отправил...

- Яблоки? В конце июня?

- Вот вам истинный крест!

Глава 9. Решающие дни

30 июня 1854 года в Ставрополе прошла конференция инженеров воссоздаваемой автомобильной промышленности. Главным предметом обсуждения было – какой основной грузо-

вик выпускать. От производства ЗиС-150, с его жёсткими, но часто ломающимися рессорами, ненадёжной рамой, и особенно – с рвущим на высокой скорости тормозную магистраль карданом – решили отказаться поскорее. Выбор однозначно пал теперь на ГАЗ-51 – машину максимально простую (можно даже сказать, «шофёроустойчивую») и отличающуюся высокой проходимостью, что было особенно важно в реалиях 1850-х годов, когда по меркам середины 20 столетия даже в самых развитых странах преобладали «уже не направления, но ещё не дороги».

Но, всё-таки, как бы ни были важны мирные моменты, затянувшийся и упёршийся в тупик военный конфликт, казалось, будет продолжаться ещё год или два в вялотекущем режиме. Пока ещё там стороны договаряются, как и в реальной истории даже после изнурения при осаде Севастополя, после его взятия, не сразу коалиция согласилась на переговоры. А здесь и сейчас, добившись быстрого успеха, она вообще решила, что затягивание борьбы ей выгодно, поскольку ослабляет позиции противника. Расчёт выглядел совершенно неоспоримым, ведь и по общему экономическому потенциалу, и по мобилизационным возможностям англо-французский блок однозначно выигрывал. И, соответственно, «стратегия измора» позволяла ему, вроде бы, добиться ещё более глубокого поражения Российской империи, даже не прибегая к масштабным боям в Черноморском регионе. Постепенно это противостояние могло бы «выгореть» естественным образом, как оно и произошло в действительности, но – ситуация в очередной раз резко повернулась. И, как в основном бывало в ту войну, главный разворот приключился на море.

Ввиду нехватки грузовых судов и отсутствия возможности быстро построить новые – Сочинское морское пароходство вынуждено было зафрахтовать несколько сравнительно новых колёсных парохода в Бердянске и Одессе. Их спешно модернизировали, хоть и по минимуму: оснастили котлы клапанами безопасности, улучшили огневую и термическую изоляцию котлов за счёт новых материалов, добавили радиорубку, увеличили число мест в шлюпках до полной численности экипажа (и сами шлюпки, естественно, заменили), хотя это и уменьшило и без того невеликую грузоподъёмность судов. Наконец, согласно специальному регламенту, принятому для эксплуатации деревянных или частично деревянных морских судов и кораблей с механическими двигателями, оснастили эти пароходы тройным против обычного для того же водоизмещения числом огнетушителей.

И вот, 10 июля 1854 года один из таких пароходов вышел в сторону Бердянска. Погода стояла прекрасная, и волнение на море не превышало двух баллов. Рейс проходил совершенно нормально до тех самых пор, пока судно не приблизилось к проливу. Там его встретил британский дозорный корабль, командир которого – Джонатан Смолл – распорядился сначала флажными сигналами, а потом и предупредительным огнём по курсу, остановить пароход. Ссылку на принадлежность к нейтральному государству он отверг, заявив, что «усматривает в этом случае произвольную подмену флага и подозревает доставку военной контрабанды», под предлогом чего пароход был задержан и на него высадились призовая партия; далее судно вынуждено было следовать в направлении севастопольского рейда.

Своевременно переданное благодаря радиооборудованию сообщение о захвате заставило сразу же реагировать. Уже через 15 минут ушла дипломатическая радиограмма в советскую миссию в Нидерландах; оттуда – по телеграфу – сообщение спустя ещё полтора часа достигло Лондона. Однако в Уайтхолле отреагировали на протест со злорадством; за строками ответной ноты так и представлялось, что составлявший её дипломатический чиновник, а затем и телеграфист, передававший сообщение в Амстердам, откровенно ухмыляются. Захваченное судно удалось отбить уже 12 июля 1854 года, когда его попытались перегнать в Варну; сопровождавший военный корабль потопила торпедой подводная лодка, она же забрала и немногих уцелевших при этом британских моряков. Но это было только одно из двух событий, повлиявших на ход войны.

Уже 12 июля, ввиду явно обнаружившейся открытой враждебности британского правительства, пара Ту-4 (самые дальние самолёты из числа имевшихся) была переброшена на оперативно оборудованный полевой аэродром в окрестностях Варшавы. Противник был об этом также немедленно предупреждён, однако же руководители английского военного ведомства сочли, что «это пустая угроза, раз она не была исполнена немедленно же». В свою очередь, сторонники решительного продолжения войны, не исключая и премьер-министра Пальмерстона, полагали, что произошедший в Чёрном море инцидент – незначительный сам по себе, и по сравнению с их «великой миссией по защите Турции» ровным счётом ничего не значит. Наконец, вся пресса, решительно независимо от своего направления, а также и все влиятельные джентльменские сообщества, и даже ведущие английские физики и инженеры заявили, что «создать летательную машину с такими свойствами, о которых нам твердят, можно будет только разве через лет 500, но никак не через 90», и что, соответственно, в принципе никакой опасности, кроме как на словах и нет.

Между тем, боевые действия продолжались, и 14 июля 1854 года ещё один британский военный корабль задержал встреченное по пути русское судно, следовавшее из Темрюка обратно в порт приписки Бердянск. Немедленно была отправлена новая радиограмма, которая ссылалась на то, что теперь нарушены сразу два пункта установленных норм.

Во-первых, статьи 2 конвенции 1907 года о правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны, воспрещающей захват, в том числе с целью осмотра, судов в водах нейтрального государства. И, во-вторых, другой конвенции того же 1907 года, воспрещавшей захват судов, используемых исключительно для рыболовства или мелкого местного судоходства. На этот протест в Лондоне даже не сочли нужным отвечать. А один из чиновников Уайтхолла в сердцах даже произнёс:

- И к чему так постоянно зудеть, как комар, ссылаясь на какие-то воображаемые правила...

Когда спустя 24 часа никакой реакции так и не последовало, было принято единственно возможное решение. Как выразился министр обороны, подписывая приказ:

- Никто не может упрекнуть нас, что мы специально желали этого. Более того, были использованы решительно все иные средства. Значит, не остаётся иного выхода. Пробить кору, луб и камбий типичного британского мышления можно только собственно бомбардировкой.

... И спустя ещё 18 часов в Скапа-Флоу и в Портсмуте гремели взрывы. Находившиеся там военные моряки могли воочию, на высоте временами не более 250–300 метров, убедиться, насколько «не существует» опасность.

Ещё продолжали пожарные гасить отдельные языки пламени, выбивавшиеся из-под заваленных зданий складов и других портовых сооружений, а пальмерстонов кабинет уже пал. Его отставка потребовала ровно столько времени, сколько понадобилось для поспешного сбора обеих палат в полном составе и процедуры голосования. В дневных и вечерних выпусках решительно всей прессы – опять же, лишь с незначительными оттенками – экс-премьера и его подчинённых всячески пылесосили за авантюристический образ действий, приведший страну на грань катастрофы. Пылесосили с тем же усердием, с каким ещё недавно пели ему сладостные дифирамбы, но старательно делая вид, что не помнят этого. А одновременно сыщики Скотланд-Ярда и примкнувшие к ним военные (не исключая порой и высоких чинов!) чуть ли не на коленях ползали по местам происшествия, собирая всякий обломок. Ну то, что всех свидетелей событий, до оказавшихся поблизости бродяг включительно, допросили с пристрастием, выискивая малейшие подробности, и так понятно...

Очень скоро последовала и международная реакция – вполне закономерная, конечно. Не прошло и нескольких часов, как французское правительство заявило, что согласно на прекращение огня и перемирие. Власти остальных европейских государств, как только составляли более-менее полноценную картину произошедшего 14 июля в Британии, немедленно сооб-

щали, непосредственно или через третьи страны, что не окажут впредь какой-либо прямой поддержки англичанам в турецких и даже, возможно, балканских и ближневосточных делах. Сам «диван» сначала собирал подтверждения отовсюду, и лишь когда окончательно убедился, что никакой ошибки или преувеличения нет, распорядился выслать на северо-восток самый быстрый из имеющихся пароходов, чтобы сообщить о согласии на переговоры. При этом султан распорядился, чтобы до начала этих самых переговоров не проводилось никаких встреч с французскими и английскими представителями, за исключением протокольных.

Само собой, в Петербурге и Москве это известие вызвало отчасти смешанные чувства. Но даже те, кто сам мог бы опасаться авиаудара, были, естественно, удовлетворены тем, что мишенью оказался принципиальный противник. На улицах городов, в армейских казармах, в кубриках и кают-компаниях, даже в сёлах и деревнях реакция была куда как однозначнее – и не только потому, что внезапно удалось выскочить чуть ли не из катастрофической трясины, но и оттого, что, похоже, осталось лишь поставить формальную точку в начавшейся крайне неудачно войне в целом.

15 июля 1854 года, как только прозвучало по установленному в специально отведённом месте во дворце радиоприёмнику переданное из Ростова официальное заявление о бомбардировке, с ним, конечно, ознакомился одним из первых сам император. И, прежде всего, распорядился незамедлительно опубликовать это заявление во всех официальных изданиях, включая губернские газеты. Более того, указал, что в качестве исключения оно должно быть напечатано в неизменном виде, без орфографической адаптации.

Сразу вслед за этим появилось несколько новых указов. По первому из них, следовало вручить всем участвовавшим в полёте наивысшие воинские награды. По второму, указывалось, что в честь этого события должны быть установлены памятники в Москве и Санкт-Петербурге, для чего призывались к участию в конкурсе все известные скульпторы. И, в-третьих, объявлено было об отмене режима усиленного полицейского надзора над всеми, приезжающими с юга, кроме случаев, когда имеются прямые основания для подозрений в их адрес.

А вот среди военных и государственных руководителей в Ростове настроение было куда более спокойным, и они уже озаботились новыми проблемами, пусть отчасти и связанными с этим вылетом. Конечно, очень хорошо иметь бомбардировщики, способные достичь со своей или союзнической территории практически любую точку в Европе, значительную часть Азии и Северной Америки... Но таких машин всего две. Следовательно, нужно сделать дополнительные экземпляры, ещё как минимум десять, просто на случай какого-то очень серьёзного конфликта.

Два других вопроса вызвали куда больше споров. Первый – отказ от первенства в создании делящихся боеприпасов – как ради предотвращения ненужных последствий, так и ввиду заведомой и абсолютной избыточности такого шага в чисто военном плане, а также чрезвычайной сложности и ресурсозатратности проекта – решили ещё относительно быстро. А вот со вторым пришлось возиться дольше. Некоторая часть совещающихся не желала экспериментировать с реактивной авиацией, ссылаясь на то, что даже среди имеющихся образцов Ил-28 однозначно проигрывает перед Ту-4 в радиусе полёта. Но в итоге победила точка зрения, что переход в основном на турбинные двигатели в конечном счёте всё равно неизбежен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.